

Кого мне убить следующим?..

КТО СВИСТИТ В НОЧИ

ГРЕГ ВУДЛАНД

Neoclassic: Триллер

Грег Вудланд

Кто свистит в ночи

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

Вудланд Г.

Кто свистит в ночи / Г. Вудланд — «Издательство АСТ»,
2020 — (Neoclassic: Триллер)

ISBN 978-5-17-132908-2

В маленьком, тихом австралийском городке Мурабул, где ничего не случилось буквально десятилетиями, вдруг начинают происходить опасные, пугающие события. Незвестный открывает охоту на домашних животных. У дома недавно переехавших из Сиднея Хэмфрисов околачивается ночами, пугая детей, таинственный незнакомец. И, наконец, кто-то начинает жестоко убивать местных женщин — причем все жертвы так или иначе связаны все с теми же Хэмфрисами... Что это? Внезапный взрыв преступности? Или дело рук одного хищника в человеческом обличье, до поры до времени державшего себя в руках, но теперь уже неспособного контролировать жажду крови? Сосланный в Мурабул за скверный характер талантливый детектив Мик Гудноу уверен: он имеет дело с серийным убийцей. С маньяком, который не остановится, пока его не схватят. Его необходимо остановить любой ценой!

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-132908-2

© Вудланд Г., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	47
Глава 13	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Грег Вудланд

Кто свистит в ночи

© Greg Woodland, 2020

© Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящается Бев

Глава 1

Собака выла уже минут двадцать, и Хэл наконец вскарабкался на забор с задней стороны двора, решив глянуть, в чем тут дело. Он балансировал на перекладине ограды, всматриваясь в пастбища у холмов, и проторчал на заборе одиннадцать минут сорок секунд. Время он засекал, посмотрев на старые часы, которые вчера взял у отца. Ноги задрожали от напряжения, еще минута – и занюют мышцы.

Хэл прищурил глаза, но собаку так и не увидел. Из-под облаков спикировала огромная птица – наверное, орел. За ней увязались три или четыре вороны, закаркали что есть мочи. Орел тотчас оторвался от преследователей, взмыл вверх и растворился в пронзительной синеве.

Со двора миссис Соседний Дом раздался крик:

– Паршивые птицы! А ну пошли! Прочь!

Скорей бы заткнулась. Он ничего не имел против старой миссис Армстронг, но сейчас прислушивался – не раздастся ли вой еще раз. И он прозвучал вновь – издалека, из-за пастбищ. Собака то выла, то визжала, однако звуки становились все слабее, а потом и вовсе наступила тишина, будто несчастный пес совсем обессилел. Может, выл просто от скуки? Хэл и сам бы завыл – такая тоска брала в их новом голубом доме, в этом дворе. Паршивый городишко, недаром мама его так ненавидит.

Она будто услышала мысли Хэла: скрипнула внешняя дверь с сеткой.

– Мальчики, быстренько домой! Одевайтесь, мы торопимся.

– Сейчас, мама!

Она вздохнула, словно даже минуту не могла выдержать под раскаленным солнцем, и вернулась в дом, захлопнув обе двери. Похоже, рассчитывала, что жара послушно останется за порогом.

Хэл снова влез на забор, обратился в слух. Собака молчала. Миссис Армстронг прекратила проклинать ворон, скрылась в доме. Затих даже стрекот цикад. На пастбища и на дом опустилась мертвая тишина.

На ограду взлетел Эван, пристроился рядом.

– Пойдем посмотрим, Хэл? Сам же говорил...

– Говорил, только нам некогда.

– Прямо уж некогда! Времени навалом!

Хэл бросил взгляд на дом. Часок у них, наверное, все-таки был.

– Ладно, пошли.

– Прямо сейчас?

– Только по-быстрому, Эван.

Медлить действительно было никак нельзя – еще нужно умыться, одеться, причесаться, а к двенадцати уже стоять у машины. К полудню, минута в минуту, они с Эваном должны быть готовы. Стоит лишь чуть опоздать, и они жестоко поплатятся – у папы сегодня важное событие. Они ехали на пикник, где соберутся люди с папиной работы и босс, которому папа весь день будет смотреть в рот. Семья точно к коронации королевы готовилась, а ведь это всего лишь рождественская вечеринка компании «Прайм фудс». Впрочем, будут на празднике и ребята из новой школы. Плюс Санта-Клаус с подарками – наверняка какая-нибудь ерунда, но все равно не стоит упускать шанс повеселиться.

– Маме с папой скажем? – Эван покосился в сторону дома, сверкавшего всеми оттенками голубизны под безоблачным небом.

– Шутишь, что ли?

Братья дружно спрыгнули на землю.

Почти полмили они продирались сквозь заросли коричневого паспалума и сухого чертополоха. Наконец раскрасневшийся Хэл остановился, тяжело дыша. Эван шуршал травой где-то позади, его голос тонул в пении цикад. Хэл отвел в сторону шипы колючей проволоки, проскользнул сквозь дырку в ржавой ограде и очутился на просторе. Поля расстились до багровевших вдаль гор. Если приблизиться, они меняли цвет, становились тусклыми, коричнево-зелеными, совсем не такими крутыми, как казались из окна дома. А если подойти еще ближе, холмы напоминали просто зыбь в мутном пруду. По склонам кое-где были раскиданы редкие купы засыхающих эвкалиптов со спутанными ветвями. В пятидесяти ярдах за забором поднималась рошица низкорослых ив, разделяя пустошь на две части.

– Разлом мира, – громко произнес Хэл и сам не понял, откуда это взял. Он махнул брату, который кричал что-то позади, и зашагал дальше.

Разлом мира его разочаровал: просто глубокая грязная промоина в овраге, проходившем посреди поросли худосочных кустиков. Акров двадцать – тридцать, прикинул Хэл. Овраг потихоньку рос, стремился вырваться из цепких лап городка. Дорожный знак на шоссе заявлял: «Мурабул, население 3560 человек». Хэл не представлял себе, где прячутся эти три с половиной тысячи. На Мейн-стрит в разгар субботы можно было встретить человек десять. Нет, пабы были забиты под завязку, нечего сказать, а здесь, на окраинах, проползет по улочке с небольшими домиками малолитражка и исчезнет в жарком мареве. Вот и все движение. Еще мухи гудят.

Хэл просунул голову между ветвями, глянул на грязно-коричневый склон оврага. По дну бежал мутный ручеек, не больше трех футов в самом широком месте. Маленький прыжок – и ты уже на другом берегу.

– Разлом мира, – еще раз пробормотал Хэл. И все же ему нравилось смотреть, как ручей извивается в осыпающемся глиняном русле: сто футов вправо, столько же – влево.

Красный и потный Эван с шумом раздвинул ветви, помотал головой.

– Папа говорил... держаться подальше... от ручья, – запыхавшись, выдал брат.

– Никакой это не ручей. Это Разлом мира, Эван!

Эван даже ухом не повел.

– Кричал же тебе подождать, Хэл! А ты бежишь и бежишь!

– Прости, – неискренне произнес Хэл. Угрызений совести он не испытывал, просто не было желания спорить. С тех пор как они переехали, первый раз ему здесь что-то понравилось. Не Мурабул, нет: захолустный городишко, ничего интересного, – а вот это место – первое, где не сойдешь с ума от скуки.

Хэл перевел взгляд на другой берег Разлома, всмотрелся в загадочную даль.

– Ну и чего мы ждем? Чтобы я перевел тебя под ручку?

Он прыгнул на камень, торчавший посреди ручья, и перескочил на каменистый берег.

– Эй, погоди! Папа говорил... Хэл!

Эван все еще топтался на цыпочках, увязая в грязи, а Хэл уже вскарабкался вверх по берегу на другой стороне. Он стоял на небольшом пригорке, напряженно всматриваясь вниз. Эван с трудом взобрался по склону, встал рядом и тихо охнул. Братья не могли оторвать взгляд от странного желтоватого дома, переделанного из автомобиля.

Пустая кабина грузовика была приставлена к дряхлому прицепу. Жилище напоминало диковинную гусеницу, голова и хвост которой принадлежали разным особям. Крышка капота валялась на земле. Части двигателя, покрытые пятнами ржавчины, были разбросаны вокруг, точно игрушки сумасшедшего механика. Вместо колес кто-то поставил три деревянных чурбака, на которых и покоилась машина-призрак. Рядом стояла покосившаяся будка, ее крыша догнивала в траве.

На когда-то желто-коричневом прицепе красовалась выцветшая вывеска: «Придорожный дворец». Овальные окна где-то треснули, где-то были выбиты, и осколки стекла сверкали точно кривые зубы. Изнутри все еще висели клочья занавесок.

– Ого... – прошептал Эван.

– Надо заглянуть внутрь, – выдохнул Хэл. Ему казалось, что стоит только отвести взгляд от дома, и тот исчезнет.

Эван вдруг сорвался с места и подбежал к ржавой бочке на 44 галлона, вертикально стоявшей на твердой глинистой почве.

– Давай спустим ее с холма!

Он схватился было за металлический край, но тут же взвизгнул:

– Хэл! Она мертвая!

– Что? – Хэл обернулся к брату.

– Она... Хэл, тут дохлая собака! Смотри!

Хэл отодвинул брата в сторону и заглянул внутрь бочки. На дне действительно лежала мертвая собака. Кобель, судя по яичкам, зажатым между поджарыми коричневыми ляжками. Лапы животного были выкручены, словно его с чудовищной силой пытались засунуть в бочку головой вниз, заталкивали внутрь, будто узел с тряпьем. Хэл наклонился и тут же отпрянул, почувствовав какой-то запах. Наклонился снова, втягивая воздух. Ему был знаком запах мертвых животных, но чтобы так близко да еще в такое пекло...

– Фу, как воняет! – сморщился Эван.

– Ну уж и воняет...

Кроме слабого душка мочи тянуло еще чем-то ржавым и сладковатым: наверное, кровью, – но в основном пахло мокрой собачьей шерстью.

– Еще свежий...

На дне бочки, рядом с головой пса, собралась лужица крови. И тут до Хэла дошло.

– О господи! – Он содрогнулся.

– Что такое?

– Это тот самый пес, который выл. Точно он.

– Наверное, случайно туда попал и не смог вылезти, – предположил Эван.

– Не-а. Кто-то его сюда впихнул, только он уже тогда был мертвым. Господи Иисусе!

Давай вытащим его.

Они опрокинули бочку на бок, и задняя часть пса выскользнула наружу. Хэл схватил животное за лапы и вытянул на траву.

– Видишь? Даже не окоченел еще. Значит, недавно умер. Может, час назад.

Они положили труп рядом с бочкой. Коричневая шерсть еще отдавала тепло.

– Гляди, сколько крови! – вздрогнул Эван.

Раны на голове собаки были покрыты уже подсохшей корочкой. Очевидно, пса били чем-то тяжелым. Под запекшейся кровью на собачьей морде блеснул крюк, протетый сквозь щеку. Хэл боялся представить, что здесь произошло, – сразу начинало тошнить.

– Не смотри сюда! – Он попытался отпихнуть брата в сторону.

– Хочу – и смотрю! – Эван стряхнул с плеча руку Хэла и уставился на труп.

Кто мог сотворить такое с несчастной собакой? Не просто собакой – крутой немецкой овчаркой. Конечно, это был мужчина; Хэл не мог себе представить, что женщина способна на такую жестокость. Нужно что-то сделать.

– Помоги мне похоронить его.

– Ладно. – Хоть раз в жизни Эван не спорил.

Они дотащили пса до ближайшего дерева, положили у ствола. Хэл собирался выкопать ямку, но земля была твердой как камень, а лопаты у них не было. Братья натаскали мелких веток, прутьев, листьев и засыпали собаку, закутав ее в своеобразный кокон.

– Прочитаешь молитву?

– Я не буду. Читай, если хочешь.

Эван кивнул, прикрыл глаза и сложил руки у груди. Хэл тоже склонил голову – так, на всякий случай.

– Мы не знали тебя, но ты был хорошим псом. Кто-то сотворил с тобой ужасные вещи, но Иисус ждет тебя на небесах, и ангелы ждут, и разные другие собаки...

– Побойся Бога, Эван! У собак нет души, – проворчал Хэл.

– Еще как есть! – возразил тот и продолжил молитву.

Хэлу уже невольно было слушать брата: даже не потому, что он сам не верил в Бога, – просто не мог отделаться от ощущения, что за ними кто-то наблюдает и потихоньку глумится над устроенной церемонией. А в Бога он и в самом деле больше не верил, ведь тот не отозвался ни на одну из его молитв. А уж как Хэл молился, чтобы Бог не дал им уехать из Сиднея...

Эван продолжал с чувством молиться, а Хэл тем временем шарил глазами по рощице, холму и оврагу, напряженно прислушивался – не раздастся ли где звук шагов. Цикады вдруг замолкли, и за деревьями что-то хрустнуло. Скрипнуло окно прицепа. По рукам Хэла пробежали мурашки, хотя он по-прежнему никого не видел.

Он вытащил часы. Пять минут двенадцатого? Черт, не может быть! Часы опять остановились. Хэл прищурился, глянул на пылающее солнце. Оно зависло прямо над головой.

– Половина двенадцатого. Бежим домой! – толкнул он Эвана.

– Ибо Твое есть Царство, и сила, и...

– Папа нас убьет, Эван!

– Не убьет... Во веки веков. Аминь.

– Папенькин сынок, – шипел Хэл, оттаскивая брата от импровизированного могильного холма, под которым лежал труп собаки. Не похоронили, так хотя бы спрятали, укрыли тело от недобрых глаз.

* * *

Хлопнула летняя дверь с сеткой. Мик Гудноу поскреб седеющую щетину, подхватил три жестяные миски и приготовился выйти из дома, где его ждало ослепительное солнце и бурные приветствия собак. Он глянул на полуденное небо и шагнул за порог, придерживая миски мощной рукой. Мик направился к проволочному вольеру в углу двора; сухая трава и крапива захрустели под подошвами его форменных ботинок. Две немецкие овчарки прыгали у калитки, шумно прося кенгурятины.

– Кэти, Вилли! Сидеть!

Овчарки уселись в ожидании еды, свесили языки, наблюдая за хозяином, – не собаки, а воплощенная воспитанность. Про третью – Чарли – такого не скажешь.

– А где у нас Чарли? – Молодой пес еще не вышел из конуры. Не среагировать на еду? Наверное, играет, прячется. Мик свистнул. – Чарли? А ну-ка выходи, беги кушать!

Мик поставил миски, открыл калитку и тут же попал в объятия. Собачьи слюни потекли по его форме.

– Чарли! Выходи!

Чарли ему принесла женщина, жившая недалеко от пруда. Она появилась в полицейском участке в тот же день, как Мик переехал в Мурабул. На руках у женщины крутился крупный щенок.

– Слышала, вы любите овчарок, констебль Гудинаф?

«Гудинаф»... Именно так и прочел бы его фамилию незнакомый человек.

– Произносится «Гуд-ноу», совсем как «ноу-гуд» – «никчемный человечиска», только наоборот, – поправил Мик, сопротивляясь желанию выхватить у хозяйки веселое существо. Женщина явно пришла с твердым намерением пристроить собаку.

– Возьмите Чарли, иначе его выбросят на улицу, сегодня же выбросят. Смирный шеночек – вы и не заметите, что он у вас поселился.

– Да у меня уже двое!

– Что двух держать, что трех – какая разница? – Она сунула щенка Мику в руки и тут же испарилась.

Прошло полгода. Чарли был исключительно беспокойным: две другие овчарки Мика, вместе взятые, ему в подметки не годились. Собака оказалась помесью немецкой овчарки, вот только с кем скрестили его мать – благодетельница сказать не могла. Пес отказывался подчиняться приказам, воспитанию не поддавался. Чарли любил погулять, дома появлялся когда приспичит, но чертов пес был таким симпатягой, что рука не поднялась бы его выгнать.

– Чарли, Чарли! Беги сюда! Беги быстренько!

Проклятого пса как не бывало!.. Причем не в первый раз. Мик жил на северной окраине Мурабула, в миле от центра, где находился полицейский участок.

Наступила суббота, до Рождества оставалось полторы недели. Скоро в городе начнется подарочная лихорадка: драки, нетрезвые водители, взломы и грабежи. Через десять минут Мику заступать на смену. Сержант будет в восторге, что констебль Гудноу опоздал. Вот и еще повод пожаловаться суперинтенданту Деннисону.

Мик обнаружил две сломанные проволочные перемычки в задней части клетки Чарли. Пес вполне мог пролезть сквозь такое отверстие. Впечатляющий ход даже для ловкача Чарли. Видимо, собака смылась на участок, который примыкал к территории Мика сзади, а потом выскочила через вечно открытые ворота заднего двора собрания пресвитерианской общины. Значит, пес в бегах. Чарли был достаточно умен, чтобы избегать тяжелых полуприцепов, проносившихся по дорогам.

Мик извлек телефон из-под «Сидней морнинг геральд», валявшейся на кухонном столе, набрал номер полицейского участка и сообщил Питеру Пётровичу, что задержится, потому что должен поискать собаку.

– Спасибо, констебль Гудноу, – монотонно пробубнил в трубку Пётрович. – Дам знать сержанту Брэдли, как положено.

– Питер, тебе не человек с улицы звонит. Не включай копа, приятель.

Пётровичу было восемнадцать, и он появился в участке на пару недель раньше Мика, только выпустившись из полицейской академии Гоулберна. Мик был старше на двадцать пять лет и гораздо опытнее мальчишки, однако Питер вбил себе в голову, что Мик младше его по чину. По сути дела, оба являлись констеблями на испытательном сроке. Мик проходил уже вторую стажировку в своей жизни в ожидании, пока Брэдли и Деннисон сочтут его кандидатуру на постоянную должность констебля подходящей.

– Разумеется, констебль Гудноу. Я все передам. Могу еще чем-то вам помочь?

Мик повесил трубку, вышел во двор и соединил перемычки в собачьей клетке. Вилли он запер во дворе, накинул на Кэти поводок и пошел к шоссе. Они перебежали через дорогу. Машин не было, горячий асфальт ощутимо отдавал тепло. Мик нашел дыру в изгороди из колючей проволоки, через которую мог пробраться Чарли, спустил Кэти с поводка, и собака прыгнула в отверстие. Мик перелез через ограждение и двинулся за ней.

– Чарли!

Мимо промелькнул заяц, и Кэти тут же припустила вслед. Мик окликнул ее, дал команду «сидеть!» и угостил овчарку собачьим лакомством. Они пошли дальше, между эвкалиптами. Сквозь кроны деревьев пробивалось солнце, по барабанным перепонкам бил стрекот цикад.

– Чарли!

Его крики тонули в какофонии леса. Мик все ждал, когда за ближайшим деревом мелькнет лоснящаяся черно-коричневая шерсть и пес выскочит с приветственным лаем, но Чарли и след простыл. Мик глянул на часы. Почти полпервого. Ну, поганец!

– Чарли, Чарли!

Глава 2

Через десять минут езды по проселочной дороге Хэл заметил в салонном зеркале, как отец ухмыльнулся. Впереди был поворот к зоне для пикников.

Джон Хэмфрис выглядел отлично. Лыняная полосатая рубашка, смазанные гелем черные волосы – импозантный мужчина. Он поймал в зеркале взгляд Хэла, подмигнул сыну, перевел взгляд на маму, оглядел ее легкое голубое платье и покачал элегантной головой.

Хэл подумал, что мама просто здорово смотрится в этом платье, еще и волнистые волосы красиво забрала шарфиком. Мамина красота была особая, тонкая, только она об этом не задумывалась. У зеркала не торчала, не поправляла часами макияж. Да ей и не нужно. Когда собираются куда-то вместе, видно, что они с папой – классная пара. Даже сейчас классная, хоть и не обмениваются нежными взглядами, не улыбаются друг другу. Все этот переезд в Мурабул. Край молока и меда, убеждал папа, земля богов. Мама почти ничего не говорила, только поглядывала на папу, но видно было, что эта задумка ее серьезно расстраивает.

Отец затынул «Scottish Soldier», тщетно пытаясь изобразить шотландский акцент. Мама слушала молча. Хэл по большому счету ничего не имел против папиного пения. Во всяком случае, если отцу вдруг приходила охота немного попеть, исполнить какую-нибудь песню из старого фильма – он прекращал курить. И то хорошо. Честно говоря, Хэлу нравилось путешествовать в автомобиле. Он любил их сверкающий «Студебекер-Хоук GT», белый, с бронзовой отделкой, еще пахнувший кожей. Люди разевали рот при виде автомобиля, похожего на космический корабль, когда двухдверное спортивное купе пролетало мимо. Хэлу не хотелось думать, что фермеры на обочине дороги считают их жуликами или просто придурками.

С переднего сиденья зазвучал четвертый куплет дурацкой песенки, и мамина улыбка стала походить на болезненную гримасу. Она спросила, нельзя ли лучше включить радио. «Scottish Soldier» прервался, и в салонном зеркале сверкнул папин взгляд.

– Неужели нельзя немного повеселиться, просто для разнообразия?

Мама закатила глаза.

– Давай для разнообразия повеселимся под радио.

Отец щелкнул тумблером, пробежался по шкале настройки и нашел самую что ни на есть дрянную волну. Все сидели молча, пока по радио звучала бьющая по ушам ритмичная полька. Наконец мама протянула руку и нажала кнопку. Отец немедленно продолжил «Scottish Soldier», жестами призывая сыновей поддержать его усилия. На его лице сияла победная улыбка.

И он ушел в поход, неведомо куда...

* * *

Дуга Слокома они последний раз видели еще в Сиднее. Как-то вечером отец притащил его домой. Оба были в стельку, когда к ужину доковыляли до порога. Дуг извинялся на чем свет стоит. Закусывая маминым пирогом с яблоком и ревенем, он поведал несколько историй о своих путешествиях на западное побережье, которые ему организовал новый филиал фирмы. Дуг вспомнил, что заезжал и в Мурабул. Он провел там детство, и с тех пор городок действительно изменился к лучшему.

У Дуга остались самые разные воспоминания о Мурабуле, плохие и хорошие. Его родители погибли в дорожной аварии – столкнулись с пикапом, набитым пьяными юнцами. Дуг как-то рассказал отцу, что их с сестрой отдали разным приемным родителям. Эвелин росла где-то в Мельбурне, а Дуг сменил десяток семей в Сиднее, но ни одна из них не стала для него

действительно родной. Лишь у тринадцатых приемных родителей, на центральном побережье, он нашел настоящий дом. Его воспитала скромная немолодая пара. Сейчас их уже не было в живых, но тем не менее Дуг неудержимо влекло в городок его детства. И, как только представилась возможность длительной командировки в те края от «Прайм вест», он уцепился за нее двумя руками.

«Можно увезти ребенка из Мурабула, но Мурабул останется в нем навсегда», – иногда говорил Дуг после пары бутылок пива. Его родной городок был теперь не такой уж глубиной. В один прекрасный день именно там будет биться пульс штата – в этом Дуг не сомневался. Может, и Джонни стоит задуматься о переезде в Новую Англию, прекратить мышиную возню, выйти на простор? Почему бы не вдохнуть всей грудью настоящий сельский воздух? Дуг вопросительно поднимал брови, посматривая на Джона; тот покашливал и до поры до времени отмалчивался. Впрочем, его молчание наводило Хэла на некоторые подозрения. Ему казалось, что идея постепенно захватывает отца. Мама, кажется, тоже что-то заподозрила: уж больно выразительно иногда скрипела зубами. Хэл понимал, что внутри у нее все кипит.

Прошел год, и отца назначили начальником Дуга. Они подшучивали над тем, что только недавно все было наоборот. То есть шутил отец, ну а Дуг его поддерживал, усмехался. Посмеяться он мог над чем угодно, даже если сам становился объектом насмешек.

Они приближались к первой площадке для пикников, и тут Хэл заметил Дуга, которого невозможно было ни с кем спутать из-за шапки светлых волос, нависающих над загорелым лбом. Приятель отца стоял в центральной зоне площадки для крикета, опираясь на биту. Тощий парень в зеленой мохеровой шапочке заступил на линию питча и сделал подачу в сторону Дуга. Дуг отразил мяч так, что тот пролетел над головой прыщавого подростка, стоявшего у столбика калитки. На поле было еще два игрока. Шестиклассники, решил Хэл. Один из них – крепкий рыжий парень с совиным лицом, другой – темноволосый, задумчивый, похож на Джеймса Дина. Наверное, нравится девочкам. Парнишка с лицом актера метнул суровый взгляд на рыжего.

– Твой почин, Тедди. Давай-ка сбегай!

Тедди неохотно заковылял за мячом, который докатился почти до самого конца поля.

– Шевели своей жирной задницей, Тедди! – крикнул Джеймс Дин.

Дуг со своим соперником продолжали носиться по полю, выкрикивая: «Один... и два... и три...» Заметив приближающееся семейство Хэмфрисов, он остановился и замахал им кепкой.

Хэл нерешительно махнул в ответ, а Эван завопил:

– Дуг!

Он обогнул на бегу ошеломленную Мохеровую Шапочку и прыгнул на Дуга. Тот бросил биту, схватил Эва-на за руки и закрутил. Поставив мальчика на землю, он прокряхтел – тяжело!

– Сколько тебе уже? Тринадцать, четырнадцать?

– Нет, Хэлу двенадцать, а мне всего восемь! – захохотал Эван.

– Восемь? Ах ты, врунишка! – Дуг обернулся к Мохеровой Шапочке. – Я объявляю, Стью. Пятьдесят три рана.

– Ты еще не можешь объявлять! – подбоченившись, заартачился Стью, но Дуг уже отдавал свою битку рыжему мальчишке.

– Какой из меня игрок? Ему отдайте, – пробурчал рыжий, и черноволосый тут же подскочил, выхватил у Дуга битку и принял красивую позу на крике, точно бог крикета.

Дуг с Эваном направились к Хэлу с мамой. Отец вылез из машины, присоединился к ним, помахая сумкой-холодильником, и протянул Дугу открытую пачку «Лаки страйк».

– Здорово, Дуглас!

– Привет, Джон!

Дуг вытащил сигарету, небрежно воткнул ее за ухо и шутливо поклонился маме. Хэл заметил, как лицо матери засветилось.

- А вот и королева! Как тебя встретила наша деревушка, Корри?
- Все замечательно, Дуг. Понемногу привыкаем.
- Скоро начнет нравиться. Джонни уже полюбил наше местечко. Да, старина? Отец вскинул руки, показывая всем видом, что просто без ума от Мурабула.
- Хэл! Черт возьми, прямо взрослый парень! Девчонка-то есть?
- Нет, – зардевшись, признался Хэл. – А у тебя?

Вопрос прозвучал неожиданно резко, но Дуг явно развеселился.

- Туше, туше! За словом в карман не лезешь! – Дуг хлопнул Хэла по плечу.

Хэл заметил, что мама бросает встревоженные взгляды на вторую площадку для пикников, где в тени деревьев расположились две группы человек по сорок-пятьдесят, женщины отдельно от мужчин. Рядом бегали несколько десятков детей: кто-то играл в ручной мяч, кто-то во французский крикет, другие просто бесились.

– Это местные, аборигены. Не беспокойся, ребята они любопытные, но нас не съедят, – успокоил Дуг. – Если только у них не закончатся бифштексы...

- Проклятье! Что ж, у нас с собой сардельки, – пожалала плечами мама.

Дуг почему-то разразился смехом.

- Корри, ребята, ноги в руки! Пора идти. – Папа двинулся вперед.

Дуглас закинул сумку-холодильник на широкое плечо и двинулся вслед, Эван побежал вприпрыжку, держась рядом с Дугом.

- А можно мы будем звать тебя «дядя Дуг»?

Эван, простофиля, да замолчи ты хоть на минуту.

- Зови как хочешь, – подмигнул Дуг, – только к столу не забудь позвать!

Полоумный братец едва не обделался от восторга.

Они пошли напрямик через поле, догнали молодую пару: симпатичную аборигенку в желтом платье и сурового вида загорелого мужчину с римским носом. «Римский нос – крутой утес», – иногда шутил папа. Молодые люди тихо переругивались. По крепким предплечьям мужчины бежали голубые и зеленые татуировки, выползавшие из-под закатанных рукавов. Моряк, решил Хэл. Или боксер.

– Вечно оставляешь меня с этими котятками, а сам шляешься с большими парнями, – плаксиво пробормотала женщина. – Давай, веселись!

- Джен, Джен, у нас компания, эти ребята не такие, как тебе кажется...

«Странно, такой мягкий голос при такой крутой внешности», – подумал Хэл.

- Это тебе кажется, что они не такие...

Женщина заметила их компанию, смешалась, отвела взгляд в сторону. Папа неторопливо догнал их, не обращая внимания на спор.

- Кев, как дела, дружище? Дженна, привет.

- Привет, мистер Хэмфрис, – улыбнулся Кев.

Лицо Дженны просветлело, будто она и не ругалась только что.

- Дружище, мы не в конторе. Просто Джон, хорошо?

– Конечно! Договорились, Джон. – Кев снова ухмыльнулся, показав ряд белых ровных зубов. Одного не хватало.

Отец представил семье Кева, рассказал, что тот – его новый торговый представитель, генератор идей, потом познакомил и женщин. Мама пожалала руку Дженне, пожелала счастливого Рождества, добавив:

- Белым Рождеством, похоже, здесь не пахнет, правда?

– Напротив, – отозвалась Дженна, поглядывая на толпу в тени деревьев. – У нас здесь самое настоящее белое Рождество. Уж вы мне поверьте!

Мама рассмеялась. По лицу Дженны тоже пробежала широкая улыбка, окончательно смыв остатки раздражения. Стало понятно, что Дженна – красавица.

– Видите ли, я здесь никого не знаю. Мы могли бы с вами держаться вместе.

Дженна, казалось, насторожилась.

– Да? Похоже, мы попали в самую дружелюбную компанию в здешних краях, а, Кев?

– Я как раз и пытался ей это объяснить, мистер... Джон. – Кев открыл упаковку пива, извлек пару банок. – Немного светлого пива, джентльмены?

– Не помешает!

Все трое открыли пиво, подняли банки в приветственном жесте.

До Хэла неожиданно дошло, что загар Кева вовсе не загар. Должно быть, Кев – наполовину абориген, хотя оттенок его кожи светлее, чем у Дженны.

– Хэл? Помоги-ка миссис Риксон, – распорядился папа.

– Не стоит, Хэл. Я сама, – махнула рукой Дженна.

– Ничего, я справлюсь! – Хэл уже тянулся к ее сумке.

– Ну что ж, спасибо, молодой человек. – Дженна улыбнулась, глянула на мужа. – Вот настоящий джентльмен!

Кевин насмешливо закатил глаза и двинулся вслед за женщинами. Эван шел чуть позади. Хэл задержался, поджидая папу с Дугом, которые о чем-то шептались, потягивали пиво. Хэлу показалось, что разговор был о Кевине и Дженне. Папа оглянулся, заметил, что Хэл маячит рядом, ткнул кончиком сигареты в направлении сумки. Хэл поднял ее и побрел за остальными.

* * *

К часу дня воздух раскалился до предела, и лысая верхушка холма рядом с заброшенным автоприцепом превратилась в настоящую доменную печь. У Мика появилось ощущение, что в форменные ботинки кто-то залил гороховый суп. Он был сыт по горло этими бессмысленными поисками. Чарли, скорее всего, уже дома, скребется в дверь и насмехается над хозяином. Негодник.

Еще пять минут, решил Мик... И в этот момент уши Кэти встали торчком. Овчарка рванулась вперед, разразилась лаем. Мик молча наблюдал, как собака стремглав летит вниз по склону. Выскочив на ровную площадку, она остановилась у ржавой бочки на 44 галлона, которая лежала на каменистой осыпи. Кэти ткнулась в бочку мордой, зарычала, и Мик поспешил вниз. Он накинул на собаку поводок, оттащил ее в сторону и тут увидел кровь. Целую лужу крови. От характерного запаха его желудок сжался спазмом. Кэти яростно залаяла, кинулась к иве, у корней которой возвышался холмик.

Мик привязал овчарку к дереву. Кэти то выла, то скулила, пока он, присев на корточки, отбрасывал в сторону ветки и листья. Внутри лежал уже тронутый разложением труп.

– О нет! Нет! – застонал Мик, судорожно глядя спутанную собачью шерсть.

Голова пса была в пятнах запекшейся крови, пасть оскалена. На горле собаки Мик разглядел резаную рану и услышал звук собственного дыхания, со свистом пробивавшегося сквозь стиснутые зубы. Слева на челюсти Чарли, где кровь запеклась до черного оттенка, блеснуло что-то металлическое. Из собачьей щеки торчал дюймовый рыболовный крючок, с которого свисало дюймов шесть лески.

Какой-то милейший человек вышел с удочкой половить собак? Прихватил с собой металлизированную леску, точно шел на макрель. Ему недостаточно было медленно умертвить собаку, мерзавец еще и изуродовал ее. Чарли... самая дружелюбная маленькая немецкая овчарка на свете...

– Чарли... – прошептал Мик в окровавленное собачье ухо. – Что же с тобой сделали...

Глава 3

Хэл устроился под красно-белым транспарантом «Рождественский пикник «Прайм фудс», 1966», растянутым между деревьями. Он притулился рядом с мамой и Дженной и посматривал на Эвана, который играл в догонялки с другой малышкой. Рядом с зоной для барбекю был установлен навес, и дети носились вокруг столов, накрытых разной снедью и безалкогольными напитками. Тощий парень в костюме Санта-Клауса то и дело шугал их прочь, гонял вьющихся над едой мух. Хэлу не хотелось играть с малышами, крикет его тоже не привлекал. Он сходил с ума от скуки.

Мама и Дженна сидели на одеяле, молча наблюдали за девочками, стайкой ходившими за полной темноволосой женщиной, которая то и дело пронзительно хохотала.

– О чем задумались? – Мама глянула на девушку.

Дженна смущенно улыбнулась. Крупная брюнетка заметила миссис Хэмфрис, приподняла широкополую шляпу, выпростав волосы, уложенные в форме черного шлема. Она величественно проплыла мимо Дженны, вытерла ладонь о край платья и протянула маме руку.

– Здравствуйте! Я Диана Курио, – объявила брюнетка. Ее манеры напомнили Корри кизину герцогини Кентской из глухой провинции. – Полагаю, вы – миссис Хэмфрис?

– Корри. Очень приятно наконец с вами познакомиться, Диана. Джон рассказывал так много хорошего о вас и о мистере Курио!

– Разумеется, и мы слышали о вас только хорошее! – Она снова громко рассмеялась.

– Диана, вы знакомы с Дженной Риксон? – Корри обернулась к Дженне, которая передвинулась на самый уголок одеяла.

– Конечно. – Брюнетка метнула взгляд на девушку. – Как вы, милая?

– Все хорошо, миссис Курио.

– Пойдемте, Корри, познакомлю вас с девочками.

Она подхватила маму под руку и потащила к кучке женщин, источавших ароматы разнообразных духов. Мама оглянулась. Дженна замерла на коленях на одеяле рядом с Хэлом.

Хэл бросил кислый взгляд на площадку для крикета. Черноволосый то кидал, то ловил мяч, обменивался шутками с двумя девочками. Те то и дело прыскали, сверкая брекетами. Хэл почувствовал, как Дженна тихонько дотронулась до его руки.

– Почему бы тебе не поиграть с мальчиками, Хэл?

– Я никого тут не знаю.

– Твоему брату это не мешает.

– О, Эвану все равно с кем болтать.

– Крикет не любишь?

Хэл пожал плечами. От проклятого крикета его просто тошнило, и не в последнюю очередь оттого, что игроком он был совершенно бездарным. Мяч он с трудом видел даже в очках. В новой школе физкультура была по пятницам, и вот уже полтора месяца он исправно посещал спортзал. Но в выходные – увольте. Он не собирается сидеть среди запасных, ждать, когда ему выпадет честь выйти на поле (все равно будет последним, на кого падет выбор).

– Кажется, у нас с тобой есть кое-что общее. Чертов крикет! – улыбнулась Дженна.

Милая женщина. Куда лучше тех куриц, что даже не смотрят в ее сторону.

Кто-то крикнул, что пора к столу, все готово, только налетай. Хэл мысленно попросил у себя прощения и рванул под навес за жареными сосисками и пирогами, сразу забыв про Дженну. Он схватил бумажную тарелку, добежал с ней до конца площадки, где начинался кустарник, и вдруг взгляд его упал на ржавый карманный нож с украшенной жемчужинками рукояткой. Нож завалился под упавший древесный ствол. Хэл тут же попробовал вырезать свои инициалы на ближайшем дереве. «ХХ» выглядело не очень. Может, процарапать сердечко

между буквами? Все подростки так делают. Нет, уж очень по-девчачьи получится, лучше сделать рамку вокруг инициалов. Хэл начал было трудиться, но тут же выронил ножик. Нагнувшись за ним, он заметил Дженну, которая подходила к зарослям у края площадки футах в сорока от него. Она остановилась, улыбнулась кому-то, махнула рукой. Хэл следил за Дженной, пока та не добралась до купы камедных деревьев. В тени кто-то отдыхал, покуривал. А, папа. Хэл слышал, как отец щелкнул языком. Ему даже показалось, что отец подмигнул ей. Во всяком случае, папа ее не игнорировал, как остальные, хотя вел себя немного странно. Кто-то застучал ложкой по фужеру, и папа быстренько затоптал окурок, еще раз подмигнул Дженне и пошел к навесу.

Толпа притихла. Все обернулись к сидящему рыжеватому мужчине. Тот поправил ремень под пивным животом. «Большой босс, – подумал Хэл. – Сам мистер Курио». Папа встал рядом с шефом. Хэл испытал удовольствие, увидев, что толпа перевела восторженные взгляды на отца. Мистер Курио глянул на жену, и та прижала палец к губам в надежде утихомирить болтающих дам.

– Наверное, мы с вами не могли выбрать лучшего дня, чем сегодня, чтобы подвести итоги самого успешного для «Прайм фудс» года. Отличное начало праздничных каникул! – Мистер Курио широко раскинул руки, словно пытаюсь объединить в этот замечательный день и Рождество, и Пасху, и длинные выходные.

Аплодисменты отзвучали, и Хэл заметил, что папа поставил бокал с пивом и приосанился.

Мистер Курио набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Все вы уже знакомы с этим головастым парнем, которого сиднейские друзья прислали сюда, чтобы вытащить нашу деревню за уши из глуши. Теперь Джон работает у нас на постоянной основе! – Мистер Курио хлопнул папу по плечу.

Папа скромно принял аплодисменты сотрудников, причем яростнее всех рукоплескали Дуг и Кев. Впрочем, Хэл аплодировал еще громче. Его старик популярен. Ну надо же!

– И еще хорошие новости! – крикнул мистер Курио, перекрывая аплодисменты. – С нового года Джон поведет нашу команду дальше на запад. Так что он отправляется в командировку – несколько следующих месяцев будет присматривать за торговыми представителями.

Все снова захлопали, закричали. Отец Хэла купался в лучах славы, точно кинозвезда. Ему улыбались все – кроме мамы; она только поднесла руку ко рту.

– ... Не сомневаюсь, что вы... с радостью поприветствуете Джона и его молодую семью... здесь, в Мурабуле! – закончил мистер Курио, энергично взмахнув рукой.

Наступила неловкая пауза, которую звонкими аплодисментами прервала миссис Курио, заставив присоединиться даже самых сдержанных коллег. Дети тем временем отвлеклись на потрепанный синий пикап, который подкатил к площадке, подняв в воздух клубы красноватой пыли. Отец Хэла поспешил сказать слова благодарности, пока еще была такая возможность.

– Спасибо, мистер Курио! Для меня большая честь быть членом команды «Прайм фудс». Я провел четыре года в Сиднее. В Мурабуле всего полгода, но горжусь еще больше, ведь теперь я – часть семьи западного филиала! Корри и мальчики приехали только две недели назад, а уже ощущают себя членами этой большой...

– Санта, Санта! Смотрите! Вот он! – заорал какой-то конопатый горлопан.

В открытом кузове пикапа возвышался самый худой Санта-Клаус в мире – Стью, Мохерова Шапочка. Просторный красный костюм болтался на нем как на вешалке. Размахивая сигаретой, Санта выпускал клубы дыма сквозь криво закрепленную бороду.

Папа Хэла решил сойти со сцены на пике внимания.

– А вот и он, дети: человек часа! Санта-Клаус!

Пикап резко затормозил, и Санта-Клаус едва не вылетел через борт. Волна детей тут же накрыла его с головой. Хэл поддался духу праздника и тоже припустил за рождественскими подарками, влетев в самую гущу гомонящей толпы.

* * *

Гудноу молотил лопатой по сухим комьям глины, которые взрывались красноватыми облачками и пылью оседали на его плечах. По голени ударил камень, отскочил. Мик бросил лопату и подул на свежие волдыри на ладонях. Пары футов в глубину будет достаточно. Он успел сбежать домой по самой жаре, прихватил лопату и плоскогубцы, запер в вольере собак. Стрелки часов уже переползли за два, душ принимать поздно.

Он выдернул рыболовный крючок, укололся и, плюнув на кончик пальца, вытер носовым платком. Сейчас ему только прививки от столбняка не хватало. О черт, черт! Мик упаковал крючок с обрывком лески в пластиковый пакет и сунул в карман, затем поднял Чарли и бережно опустил в неглубокую могилку.

От бочки к месту прежнего захоронения шли следы волочения тела. Убийца перетащил собаку под дерево и засыпал листвой и сучьями. На суглинке отпечатались его следы. Похоже, убийц было двое. А следы-то маленькие. Неужто дети? Мик молил Бога, чтобы это было не так, хотя психи и садисты встречаются в любом возрасте.

Он присел над могилой, взял Чарли за переднюю лапу, и тут ему кое-что бросилось в глаза. Средний коготь отсутствовал, вокруг ранки запеклась кровь. Мик проверил другие лапы – все когти на месте. Дефект был только на передней левой. Мог ли Чарли повредить лапу, протискиваясь сквозь дыры в заборах? Нет, скорее всего, это позабавился убийца. Маленький сувенир на память.

– Что, ублюдок, не мог просто убить собаку? Ты не мог ее просто убить? – Вопль Мика полетел в заросли ив, в чашу кустарника, отразился от грязного желтого автоприцепа на холме. Гудноу швырял глину на тело своего пса и ненавидел весь мир. Напоследок он утрамбовал насыпь над могилой.

– Прощай, Чарли... – тихо сказал он холмику. – Знай, тебя любили.

* * *

Хэл не помнил себя от радости. Новенький пластмассовый бинокль от тощего Санты! Увеличивает в два с половиной раза – во всяком случае, так написано на упаковке. Теперь у него была возможность видеть все «в мельчайших подробностях, с фантастической четкостью». Он приложил бинокль к глазам, обвел взглядом зону для пикника, приблизил деревья за площадкой. Он постепенно регулировал фокус, и вот далекое серо-коричневое пятно превратилось в затылок и плечи мужчины, самого обычного, ничем не примечательного мужчины. Лицом к нему стояла Дженна Риксон, болтала, не переставая улыбаться. Мужчина сунул ей в ладонь какой-то предмет.

Маленькая коробочка. Дженна открыла ее и вдруг прижала руку к губам, потом запустила ее внутрь коробочки и что-то оттуда вытащила. Хэл не мог рассмотреть, что именно оказалось в футляре, но Дженна поднесла руку сначала к одному уху, затем к другому. Серьги! Она потянулась к лицу мужчины и поцеловала его, прикрыв глаза. Не какой-то чмок на прощание, как папа целует маму. Нет, то был настоящий поцелуй, как в кино. Он все длился и длился – самый долгий поцелуй, который приходилось видеть Хэлу. Эти двое никак не хотели выходить из тени деревьев. Потом Дженна вдруг отпрянула от мужчины, засунула коробочку под блузку и, не оглядываясь, побежала к отдыхающим.

Бинокль Хэла был по-прежнему направлен на затылок мужчины, скрытого в тени камедного дерева. Человек отбросил волосы со лба, прикурил, потянулся, словно старый пес, затем повернулся лицом к Хэлу.

Это был его отец.

Глава 4

В половине третьего того же самого жаркого субботнего дня сержант Брэдли официально объявил, что можно приступать к празднованию. У старшего констебля Блая имелась бутылка мексиканского пойла, которое привез ему брат-отставник, возвращаясь из Вьетнама. Мескаль, сказал брат: видишь, вон и червяк на дне бутылки. Сержант вытащил стопки, достал лимон из собственного сада. Пётрович сбегал за солью: незнакомый напиток требовал странного ритуала, и Блай настаивал, что его нужно придерживаться.

После первых двух стопок все расслабились. Пётрович накинул разноцветную мишуру на хилое деревце в углу кабинета. Из радио звучали «Серебряные колокола» в исполнении Джима Ривза. Стопки наполнили в третий раз. Кто-то предложил пари – в чью стопку попадет мерзкий коричневый червяк со дна бутылки.

– Ставлю пять баксов на Гудноу! – заявил Брэдли, завидев в дверях Мика.

От констебля пахло так, точно он спал в одном фургоне с овцами. Впрочем, выглядел Мик еще хуже. Гулянка резко прекратилась.

– Мик, да ты, похоже, дашь нам фору, – вскинул брови сержант.

В разговор встрял Пётрович, пошатываясь и набирая воздух для каждого слова:

– Стало быть, Гудноу, решил гульнуть на деньги налогоплательщиков?

– Я хоронил своего пса, сержант.

Все трое уставились на Мика остекленевшими глазами.

Росс Блай вздрогнул.

– О боже, Мик!

– От тебя воняет так, будто ты не хоронил, а выкапывал собаку, прости господи. – Брэдли помахал рукой, разгоняя воздух. Пётрович фыркнул.

Давай, лягни еще что-нибудь, сынок. Взгляд Мика прошел сквозь ухмыляющегося Брэдли и уперся в стену. Мику представилось, как его кулак крушит штукатурку. Он задержал дыхание, сосчитал до десяти. Так хоть немного, да лучше.

– Плохо дело, Мик! Кто умер? – сочувственно сморщился Блай. У него тоже была собака, туповатый спаниель Ринго.

– Чарли, самый молодой. Кто-то поймал его на крючок и убил.

– Поймал на крючок? То есть как?.. – Блай изо всех сил пытался не обидеть Мика.

Мик вытащил из кармана пакетик, показал полицейским.

– Вот на эту штуковину? – скривился Брэдли.

– Именно.

Три пары глаз молча изучали Мика и рыболовный крючок, упавший на пол. Коллеги не знали, как реагировать: то ли поддаться приступу ярости, поскольку пострадал их товарищ, то ли обидеться на него – ведь Мик прервал застолье.

– Значит, тут шляется какой-то больной ублюдок, – наконец пробурчал Брэдли. – Кто еще мог такое сотворить, да еще в канун Рождества...

– Даже не представляю. Что думаете? – Мик поднял с пола крючок с зазубринами, за которым потянулся обрывок лески.

Блай внимательно рассмотрел крючок.

– Мик, с такими ходят на акул. Пит?

Пётрович бросил взгляд на бутылку с текилой и судорожно сглотнул.

Брэдли похлопал Мика по плечу мясистой пятерней.

– Слушай, может, он просто ловил морского окуня, а Чарли нырнул и схватил приманку? Напоролся на крюк, и рыбаку ничего не оставалось, как добить его?

– Во-первых, река далековато, – постарался сохранить спокойствие Мик. – Во-вторых, кто-то кинул собаке кусок бараньей отбивной с крючком, выудил его как рыбу, ударил по голове и перерезал горло. Да, и еще: ему вырвали коготь. Мне не показалось, что Чарли убили из милосердия. Я думаю, детективов это может заинтересовать.

Блай снова сморщился, глянув на пакетик с крючком. Наступила неловкая пауза. Брэдли покачивал головой. Пётрович потихоньку зеленел. Веселье словно пылесосом высосали из кабинета.

– Жуткое дело... наверное, какой-то сумасшедший, – подал голос Блай. – И все же это только собака, Мик. Мы не общество защиты животных...

Мик только сейчас ощутил, как от него пахнет. От гостей, как от рыбы, через три дня воротит, подумалось ему. Он был здесь гостем полгода и, похоже, никого не радовал своим присутствием.

– Давайте сделаем вид, что у нас Рождество! Хотя бы ради Пита. Взбодритесь, парни! – Брэдли, сжав в кулаке перевернутую стопку, указал на бутылку. – Росс, наливай. О некоторых вещах лучше забыть, пока не закончится мертвый сезон, Мик. До конца года в нашем районе остался всего один детектив, в Армидейле. Давай регистрируем происшествие да выпьем! Хоть придешь в себя, Мик.

– Со мной все нормально, сержант.

– Пит, передай Мику лимон.

Гудноу убрал вещественное доказательство в карман и посмотрел на стопку, зажатую в руке Брэдли. Он уже сто лет не пил. Стоило подумать о выпивке, и желудок словно перевернулся.

– Я не буду, спасибо.

Остальные уже начали ритуал: слизали с руки соль, запрокинули стопки и закусили лимоном.

Почему никто меня не поддержал, когда это было так нужно? Тогда, вдали от Мура-була... Сколько уже прошло? Четыре месяца?

– Микки, пей, Микки, пей, Микки, пей! – загорланил Брэдли.

Полицейские подхватили:

– Пей, пей, пей...

Мик почувствовал, что еще немного – и он не выдержит. Он отломил дольку лимона, вонзил зубы в горьковатую мякоть и опрокинул стопку. Мескаль обжег пищевод.

– Добавь соли, добавь соли, добавь соли!

Он слизнул соль с ладони и обвел языком губы. Первый глоток спиртного за последние сто двадцать девять дней. М-м-м... просто фантастика.

Блай, ухмыляясь, плеснул ему еще.

– Давай, залей в горло!

– Отвали, – выдохнул Мик и перевел взгляд на заднюю дверь, пытаясь не обращать внимания на веселые подначки.

* * *

По пыльной парковке побежали оранжевые всполохи – поток машин начал вытекать на дорогу. Хэл оперся о капот и повесил бинокль на шею. Он стоял у автомобиля в мрачном молчании, дожидаясь, пока родители обнимали на прощание всех подряд. Вприпрыжку полетел Эван с новой куклой. Подарок по ошибке перепал ему от Санта-Клауса, и Эван вовсе не намерен был его возвращать. Брат запрыгнул на капот, распевая во все горло: «Бу-бу-да, бу-да-да...» Мимо к своему потрепанному серому «холдену» прошли Дженна и Кев. Дженна помахиwała пустой сумкой. Похоже, Кев был пьян в стельку, и Дженна безуспешно старалась

запахнуть его на пассажирское сиденье. Судя по всему, ей предстояло повозиться. Хэл заметил, с какой тоской женщина смотрит на их «студебекер», и отвернулся. Сзади неслись крики Дженны – Кев никак не желал утрамбовываться в машину. Когда он оглянулся, «холден» уже отъезжал. За рулем была Дженна. Неужели аборигенки умеют водить? Его мама так и не научилась. Наконец появилась и она – в руках корзинка для пикника, в зубах ключи от машины. Мама махнула Хэлу рукой, показывая, чтобы он взял ключ и отпер автомобиль. – Залезай, – велел Хэл Эвану. Брат скользнул на заднее сиденье. – Миссис Хэмфрис... – К ним подошел тот рыжий мальчишка, Тедди, волоча за собой сумку из шотландки. – Хотите, я буду мыть вашу машину, пока мистер Хэмфрис в отъезде? Мама подняла голову из-под крышки багажника, куда укладывала вещи, и устало улыбнулась. – Поговори лучше с самим мистером Хэмфрисом. Я этими вопросами не занимаюсь.

– А я уже поговорил. Он велел передать вам, что можете платить мне за это полтора доллара.

– Полтора доллара? Не многовато ли? – обернулась к нему мама.

– Я вашу машину так обработаю... – Тедди любовно провел рукой по капоту автомобиля. – Будет выглядеть на миллион баксов. – Рыжий так и сиял, наглаживая машину, будто уже стал ее владельцем.

– Хорошо, я подумаю, – растерянно посмотрела на мальчишку мама. – Спасибо тебе, Родди.

– Тедди. Помою, отполирую – станет как только что из автосалона.

– Вообще-то она всего шесть месяцев как из салона, – довольно нелюбезно поправила его мама.

– А... ну я, это... – Тедди все еще пытался что-то придумать, когда по всей парковке разнесся голос «герцогини Кентской»:

– Эдвард! Я думала, ты уже в машине, а ты все языком чешешь, людей беспокоишь! Миссис Курио важно приближалась к ним, и Тедди отпрянул от «студебекера».

– Я только...

– Диана, все в порядке, мы просто болтаем, – пришла на выручку рыжему мама.

Тедди испуганно глянул на нее.

– Я просто... знаете...

– Быстро в машину! – Миссис Курио ткнула пальцем в направлении их автомобиля.

Подошел мистер Курио и жизнерадостно поставил точку в разговоре.

– Тедди! Собирайся, сынок, мы выступаем! – Он царственно махнул чете Хэмфрис и всем остальным, кто смог увидеть его жест, и миссис Курио погнала их к серебристому «мерседесу». – Всем хорошего вечера, и да благословит вас Бог! Мирного Рождества!

Тедди поплелся за родителями, помахивая своей сумкой в клеточку. Папа возился дольше обычного, переключая привередливые передачи, но как только выехал со стоянки, понесся словно дьявол... словно пьяный дьявол, и так всю дорогу до дома.

– Рождество, – невнятно пробормотал он.

Мальчики и Корри пристегнулись.

Глава 5

На улице Мика было темно. Светилось лишь окно гостиной в его обшитом ветхой вагонной доме, да сероватые блики отбрасывал телевизор. С экрана доносились свинги Бинга Кросби. Мик дотащился до гостевой спальни, встал, посмотрел на узкую кровать, застеленную свежим бельем. В таком состоянии она пребывала уже полгода. Все это время он ждал единственную гостью, но шансов на то, что она приедет в ближайшие дни, почти не было. Дочь должна была прибыть за неделю до окончания школьных каникул – так Мик договорился с ее матерью, – однако сроки все передвигались, договоренность постоянно пересматривалась. Стоило Керри увидеть, как он использует эту комнату, и ноги Шерил вообще не было бы в его доме, какие уж там пять дней...

Мика чуть качнуло, и он оперся о стол. Всего одна рюмка мескаля могла перечеркнуть восемнадцать недель так называемого прогресса. Он, не прощаясь, сбежал из участка, почувствовав, как огнем разгорается жажда. Совсем рядом был отель «Империял», манил теплыми рождественскими огнями и песнями сирен-искусительниц. Мик медленно подошел к гостинице, услышал призывное: «Добро пожаловать!» – и лишь каким-то чудом сбросил с себя магию радостного сияния огней холла и буквально бежал прочь. Его жилище находилось в шести кварталах, на окраине.

Он благополучно добрался до дома. Рубашка промокла от пота, зато в голове прояснилось. Мик влез в душ и включил холодную воду. Он стоял под струями, пока не ощутил, что окончательно обрел способность соображать. Во всяком случае, вспомнил, что на прикроватной тумбочке его ждет флакон мандракса. Две маленькие белые пилюли – и больше сегодня вечером ему ничего не нужно.

Мик сел на кровать и уставился на зеленые обои. Со стены гирляндами свисали вырезки из газетных страниц за февраль 1965 года. Заголовки были самые зловещие: «Убийства на сексуальной почве», «Девочки-подростки изнасилованы и убиты», «Трупы в Песчаных дюнах», «По следу убийцы». Кое-где попадались четкие черно-белые снимки с места происшествия: два тела, присыпанные песком, они же – извлеченные из неглубоких могил. На других фотографиях люди в специальных костюмах прочесывали местность под полуденным солнцем. Детективы, заливающиеся лаем служебные собаки. Между газетными вырезками Мик приколот к стене листочки с именами подозреваемых. Фамилии были соединены между собой стрелками. Мик рисовал фломастерами, и стрелки сливались в разноцветные круги, точно спицы кривого колеса на моментальном снимке. Еще фото: две юные девочки обнимают друг друга за плечи, улыбаются в объектив всего за неделю до трагедии; уверены, что до конца останутся лучшими подружками. Так и вышло.

Мик мельком глянул на журнальную статью «Новые факты о психопате» и перевел взгляд на маленькую заметку из газеты с фотороботом молодого блондина, держащего в руках копьё для охоты на крабов. Комментарий к фотороботу был подчеркнут красным: «...сержант уголовной полиции, участвующий в расследовании, говорит:

«Убийца умен, хитер, скрытен. Уверен, что он не сумасшедший, это зло в чистом виде. Он еще вернется».

Убийство Чарли не имело никакого отношения к девочкам с Бардсли-Бич. И все же просматривалось нечто общее: преступник, скорее всего, другой, но почерк похож. Плюс жестокость, садизм, склонность к сувенирам на память. Возможно, психопат – многие из них начинают с животных. Стоит такому убить человека, и к животным он уже не вернется, как утверждала газета. Бывают ли исключения из этого правила?

Это всего лишь собака, напомнил себе Мик.

Смотри масштабнее, детектив.

Он погасил свет, запер дверь и попросил оператора соединить его с Сиднеем – захотелось поговорить с дочкой.

– Аллю! Кто это?

Керри. Черт возьми! Конечно, уже поздно.

– Аллю, аллю! Кто...

Он повесил трубку, проглотил пилюли и залез под одеяло, пока тело еще слушалось. Мышцы расслабились, напряжение ушло. Перед ним опять возник образ той девушки, немки, словно Мик просматривал повтор телепередачи. Голова проломлена, горло вскрыто ножом с зубцами на лезвии ... как у Чарли. Один из пальцев... кажется, с него сняли ноготь? Даже не сняли – содрали. Да, средний палец на левой руке. Похоже... Мик проваливался в сон. *Они не возвращаются к старому... Не возвращаются?* В голове затуманилось, все начало расплываться. Мягкий туман... белый... точно вата... облака...

* * *

– Не лгал я тебе! Не лгал! – услышал Хэл хриплый шепот отца.

Все еще ругаются. Всю ночь ругаются.

За окном переливались рождественские огни, вспыхивали то красным, то желтым, то зеленым, рисовали разноцветные восьмерки над крыльцом. Поблескивал огоньками и картонный Санта-Клаус, желая всему свету мира и благополучия. Легкий прохладный ветерок был не в силах заглушить раздраженные голоса, вырывавшиеся из дома Хэмфрисов на Бервуд-стрит.

– Ну же, повтори еще раз, что молчишь? – Маминым голосом можно было резать стекло. – Значит, говоришь, фантастическая вакансия, руководящая работа в офисе? Каждый вечер дома, с семьей, да?

– Я как раз собирался сказать тебе... после Рождества.

– Давай, скажи об этом сейчас, на всю улицу!

Попытайся папа это сделать – кто бы стал его слушать, кроме миссис Соседний Дом, думал Хэл. Все уже давно спят или залипли в телевизоре. Впрочем, мама права. Папа привез их сюда, за тридевять земель, в захолустный городок, а настоящую причину скрыл. Новые друзья, интересные местечки в новом городе, кафе, рестораны, кино, говорил он.

– Ради бога, милая! Все-таки Рождество...

– Ха! Ха-ха-ха, черт возьми! – Мама стала говорить тише, и Хэл понял, что она почти беззвучно плачет.

– Сходи постой немного под омелой, – негромко, но серьезно пробурчал папа.

– Все шутишь?

Открылась входная дверь. Хэл услышал, как мама ступила на крыльцо. В ночи пели цикады. Он представил, как мама смотрит на соседские дома. Все окна темны, только рождественские гирлянды подмигивают сквозь листья олеандров, стоящих вдоль тротуара.

Хэл продолжал прислушиваться. Мама взяла лейку, побрызгала водой на поникшую шеффлеру. Растение подарила ей тетя Линн на прошлое Рождество, и мама души в нем не чаяла. Шеффлера напоминала ей о доме и...

Хэл услышал, как мама вдруг замерла над цветком.

– Кто здесь? – громко спросила она.

Никто не отозвался, только на другой стороне улицы тихо прошелестели чьи-то шаги. Под дверь спальни вполз легкий запах табака. Это папа курит.

Шаги затихли. Эх, Мурабул... Скучища смертная, но тут хотя бы безопасно. Безопасно и тоскливо до чертиков. Веки Хэла отяжелели и начали закрываться.

Посреди ночи Хэла вырвал из сна телефонный звонок. Ему снился убитый пес: будто тот ожил, зализывает раны. Пес готов бежать с ним вперед, по холмам, все дальше и дальше.

Телефон продолжал трезвонить, и Хэл подумал, что надо бы встать, ответить... Телефон все не умолкал. В холле прозвучали тяжелые шаги, и папа снял трубку.

– Алло! Алло! Кто это? Алло! – Папа швырнул трубку на рычаг, затопал обратно в спальню.

Что-то сквозь сон пробормотала мама. Уже засыпая, Хэл услышал, как папа сказал: «Ошиблись номером». *Ошиблись? Ошиблись номером?.. При чем тут номер?* Его настойчиво звала собака.

Глава 6

Стрелки на часах уткнулись в половину девятого. Второй день нового, 1967 года. Мик, в начищенной и отглаженной форме, переступил порог участка, сел за новенький электрический «ремингтон» и застучал по клавишам, печатая отчет. Записку он готовил на имя суперинтенданта Уоррена Деннисона, старшего инспектора по округу Новая Англия, Армидейл. Необходимо было отчитаться о своей работе в качестве констебля на испытательном сроке в районном подразделении Мурабула за декабрь 1966 года. Все свои дела Мик помнил наизусть, и регистрационный журнал ему не потребовался. Дел было всего три.

Первое: задержание воришки при краже в магазине. Второе: предотвращение стычки в пабе отеля «Бэтсманс армс» во время мясной лотереи. Третье: расследование похищения голубой сиамской кошки (женского пола) по кличке Баттонс. Кошка не обнаружена, с престарелой хозяйкой проведена успокоительная беседа (миссис Фэй Дункан, Федерал-стрит, 36).

По каждому из дел имелся определенный результат, за исключением кошки Баттонс, которая, насколько знал Мик, до сих пор домой не вернулась. Поскольку аналогичных прецедентов с кражей кошек выявлено не было, Мик считал, что разумнее всего предположить переход похитителей кошек в другой регион, где они продолжили терроризировать хозяев домашних животных. Он также не исключал, что разбойники залегли на дно на период праздников.

С тех пор кое-что изменилось: после убийства Чарли Мик уже не мог позволить себе беспечность.

Ежемесячные рапорты были призваны подчеркнуть, что констебль Гудноу четко выполняет свои обязанности в течение испытательного срока. Мик отдавал себе отчет, что это своего рода искупление за потерю должности сержанта уголовной полиции в крупнейшем полицейском участке Сиднея, где он исполнял обязанности заместителя начальника. Тогда он занимался расследованием наиболее резонансных убийств.

Его сместили с должности в результате ссоры с другим сержантом криминального отдела; о стычке стало известно. Сержант обвинил его в применении физической силы, и делом заинтересовалось начальство.

Обвинение признали достаточно веским для увольнения. За Мика вступился его бывший наставник, заместитель комиссара Терри Бирн. Лишь его вмешательство позволило Мику избежать отставки и перейти на службу в глухую провинцию. Ему было запрещено приближаться к детективу-сержанту О'Дауду ближе чем на двести ярдов. Это означало, что Мику придется держаться подальше от чертова Сазерленда. Старик Терри на его звонки больше не отвечал. Вот так местное подразделение в Мурабуле и разжилось новеньким, самым престарелым за всю историю констеблем на испытательном сроке.

Гудноу стал четвертым полицейским в участке. Другими словами – пятым колесом. Могло быть и хуже, утешал он себя. Пока иных вариантов не просматривалось, можно немного побыть примерным стажером, набить руку на написании месячных отчетов.

Только Мик положил свою записку на стол Брэдли, как вошел Пётрович, кинул шляпу на вешалку и коротко кивнул.

– С добрым утром, Питер. Как провел выходные?

– Сойдет.

Гм... интересный стиль общения.

– Я заварил свежий чай.

– Не хочу, – угрюмо мотнул головой Пётрович, плюхнулся за свой стол, открыл «Нозерн дейли лидер» и принялся изучать объявления о продаже подержанных автомобилей.

Мик глянул на снимок на столе стажера. Пётрович позировал в майке, улыбаясь под тропическим солнцем. В руках у него извивалась огромная речная баррамунди.

– Ничего не поймал в выходные?
– Пару окуней и карпа, – буркнул Пётрович, выдавливая прыщик.
– Окуни? Неплохо. Карп-то мне напоминает мокрую собачью шерсть. Грязная рыба.
– Будешь готовить, как я, грязной не покажется, – хмуро отозвался Питер.
– Да? Знаешь секрет?
– Обычный здравый смысл, вот и весь секрет, – фыркнул Питер. – Просто снимаешь с крючка и сразу кладешь его на лед.

– Вот как? И вкус становится нормальным?

– Ну да.

Разговор зашел в тупик, как это обычно и случалось при общении с Пётровичем. Обменялись парой фраз – и все на этом.

– А потом? Запекаешь его? Добавляешь лимон, так?

– Не-е-ет, – начал объяснять Пётрович, словно неразумному ребенку. – Отслаиваешь филе, ясно? Толщиной со стейк, с обеих сторон.

– Значит, с обеих сторон? – старательно восхищался Мик.

– Кладешь в пакет со специями, перетряхиваешь. Соль, перец, понятно?

– Гм...

– Жаришь на масле. По минуте на каждую сторону. Получается здорово.

– Век живи – век учись. Спасибо, Пит.

– Пи-тер, – по слогам произнес Пётрович и снова уткнулся в объявления.

За окном послышался звук подъезжающего минивэна. *Сейчас или никогда...* Мик выхватил из кармана пакетик с крючком и обрывком лески и помахал им под носом у Пётровича.

– Дружище, где в нашем районе можно купить такой же?

Пётрович засопел, потянулся носом к пакету, точно служебная собака.

– Ты о чем?

– Где можно найти такой же крючок, с такими же насечками? В рыболовном магазине, в спорттоварах – где?

– Я понял, чем вы занимаетесь, констебль на испытательном сроке Гудноу! – Взгляд Пётровича посуровел, и он сложил руки на груди, самодовольно усмехаясь. – Используешь служебные ресурсы на своих собак! – Его маленькие глазки уставились на констебля, и он снова напомнил Мику ищейку.

– Питер, он убил мою собаку! Перерезал ей горло и потрошил ее так, как ты не потрошишь своего карпа!.. Помоги мне его найти, пока он не сделал это снова с чьим-нибудь питомцем. И не только с питомцем...

– С чего ты так уверен? – фыркнул Питер.

– Так и будет. Он уже сделал это раз, и сделает еще. Ему нравится убивать.

– Но сержант Брэдли приказал...

– Скажи мне, Питер! – Мик поднес острие крючка прямо к глазам Пётровича, и тот отшатнулся. – Где продают такие крючки?

– Ты уже не крутой детектив из Сиднея. Даже еще не констебль! – с издевкой ухмыльнулся Питер.

– Ты прав. Так где? Прошу тебя...

Снаружи захрустел гравий под форменными ботинками. Мик втиснул пакет в руку Пётровича. Тот с негодованием глянул на крючок.

– Здесь такого не найти. С ним ходят на крупную рыбу, с большой пастью. На треску, которая водится в Муррей-ривер, например.

– То есть здесь, в городе, такого не достанешь?

– Ну а я о чем? – резко ответил Пётрович. – Муррей и Дарлинг, Маррамбиджи. Большие реки, только там.

– Спасибо, Питер. Я знал, что на тебя можно положиться.

Мик не смог бы сказать наверняка, в чем именно можно положиться на Пётровича, но кашу маслом не испортишь. Он едва успел спрятать пакетик с крючком в карман, как дверь распахнулась и сержант Брэдли бодрым шагом прошел через вестибюль. Чуть сзади держался старший констебль Блай.

– Всем доброго утра! – гаркнул сержант.

– Чай только заварен, угощайтесь, господа! – немедленно начал рыть носом землю Пётрович.

– Молодчага парень! Вы с Миком, оказывается, не разлей вода, а? – Брэдли явно наслаждался гармонией, царившей в его королевстве. – Мне с молоком, Мик, и пару ложек сахара!

Гудно напрягся, но тут же напомнил себе: ему полагается быть паинькой, – двинулся к чайнику. Полная гармония.

– Росс, чайку?

– Ты в своем уме, Мик? – улыбнулся Блай. – На улице девяносто два! Я бы пивка хлебнул.

– Только не сегодня, Росс, – предостерег его Брэдли.

На столе ожил телефон. Мик отвернулся в сторону, и Брэдли с Блаем посмотрели на Пётровича, который сидел к столу ближе всех. Парень тут же с низкого старта рванул к аппарату.

– Полицейский участок Мурабула, констебль Пётрович слушает! Ага... ага... Минутку, мэм. Я посмотрю, на месте ли он.

Пётрович прикрыл микрофон, оглянулся на Брэдли.

– Тут миссис... член городского совета миссис Курио. Сказать, что вы?..

Брэдли потянулся к трубке, нацепил дежурную улыбку.

– Привет, Диана. Как поживаете в это божественное утро? – Сержант мурлыкал, словно консультант из магазина женской одежды. – Как его превосходительство? Вы не?.. О, так-так... – Брэдли застучал ручкой по столешнице, мрачно кивнул. – Гм... Знаете, у нас тут с утра небольшой аврал, но через некоторое время постараюсь...

Из трубки понеслись пронзительные вопли. Брэдли поморщился.

– Хорошо. Через двадцать минут.

Он попрощался и посмотрел на Блая и Пётровича. У обоих были более важные дела. Сержант уже потянулся за шляпой, когда ему пришлось в голову задать риторический вопрос констеблю на испытательном сроке.

– Наметилось небольшое дельце, Мик. Не желаешь заняться?

¹ Здесь дана температура по шкале Фаренгейта. 92 °F ≈ 33 °C. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Глава 7

Городской совет Мурабула занимал сизое кирпичное здание довольно уродливой конструкции. Совершенно непрактичную, почти плоскую крышу положил лет десять назад чей-то зять – как бы не самой миссис Курио. Совет находился в нескольких шагах от складов компании «Прайм фудс», которую возглавлял ее муж. Чрезвычайно удобно, как минимум – для самой Дианы Курио и ее супруга. Удачно было устроено и парковочное место, отмеченное табличкой с фамилией Дианы. Машину она ставила вплотную ко входу в здание. Ярко-красный «ягуар» и сейчас отсвечивал в солнечных лучах. В офис советника Курио можно было попасть из коридора в конце фойе, если пройти мимо череды распахнутых коричневых дверей, стилизованных под миссионерский стиль.

Администратор, брюнетка лет тридцати, проводила Мика до последней двери. Аппетитную фигуру женщины не мог скрыть даже форменный оранжевый наряд. Она подхватила Мика у входа, и он вручил ей свою визитку. Брюнетка недоверчиво изучила надпись на карточке.

– Читается «Гуд-ноу». – Он выдал привычную ироническую улыбку. – Знаете, как «ноу-гуд», только наоборот.

– Прекрасно. Можете проходить. – Она метнула в Мика загадочный, чуть встревоженный взгляд.

Надо же, фиолетовые глаза. Редкий оттенок. У кого он такие видел? У какой-то актрисы?

Советник Курио оторвалась от бумаг на огромном столе, стоявшем напротив окна. Сквозь жалюзи просматривался квартал, лежащий позади Мейн-стрит. Администратор мелодично доложила о его прибытии:

– Констебль Гудинаф... ох, простите, Гудноу.

– Благодарю, Эйлин. Итак, – начала Диана, дождавшись, пока администратор закроет дверь, – вы не слишком торопились, констебль. Присаживайтесь. Пару секунд, пожалуйста.

Миссис Курио водила ручкой по какому-то важному документу, а Мик тем временем осматривался в ее владениях. Жгучий оранжевый ковер, однотонные шторы на окнах, недорогая мебель. Все здесь говорило об умеренности хозяйки кабинета. Впрочем, дубовый стол сделал бы честь и адмиральской каюте. Взгляд Мика упал на шкаф для документов в углу. Два ящика, выдвинутые до конца, висели под неестественным углом. Разорванная москитная сетка на окне, погнутая задвижка – явные следы проникновения со взломом. В то же время окно выходило на парковку и голую, без малейших следов зелени, улицу. Взломщик был бы у всех на виду, разве только дело происходило в глухой час ночи...

Мик начал присматриваться к дверному замку, когда миссис Курио захлопнула свою папку и плавно обогнула стол, направляясь к нему. Ее две секунды истекли уже давно.

– Ну что ж. Я советник Курио. Друзья обычно зовут меня Дианой. – Она протянула Мику большую полную руку и поздоровалась отработанным рукопожатием опытного политика.

– Констебль Гудноу. Меня друзья зовут Миком. Оба моих друга. – Он улыбнулся.

Миссис Курио его не поддержала, убрала руку за спину.

– Я думала, придет сержант Брэдли...

– Сержант сейчас немного занят. Боюсь, пока вам придется общаться со мной. – Мик кивнул на окно. – Я вижу, кто-то проник в ваш кабинет, Диана?

– Пфф. – Она фыркнула, точно сдула со щеки муху, и качнула головой в сторону шкафа для документов. – Когда я утром пришла на работу, окно было настезь, замки сломаны – сами видите. Шкаф был точно в таком состоянии, все папки валялись на полу. – Она махнула рукой на картонные папки, уложенные аккуратной стопкой. – Все это крайне неприятно.

– Пропало что-то важное?

- Разумеется. Три или четыре очень деликатных документа.
- Так три или четыре?
- Есть какая-то разница?
- Вполне возможно, – пожал плечами Мик. – Шкаф был заперт?
- Он взломан, я вам только что об этом сказала.
- Нет, советник. Вы говорили, что сломан замок на окне. – Гудноу натянуто улыбнулся. – Хотя вижу, что шкаф тоже вскрыт.
- Пфф, – снова фыркнула Диана. – Вы его будете осматривать или нет?
- Конечно буду. – Мик прошел в угол кабинета. – Расскажите сначала о содержимом похищенных папок.
- А тут нечего рассказывать. – Мик спокойно выдержал ее взгляд, и Диана пожала плечами. – Скажем так: там были исключительно конфиденциальные бумаги.
- Конфиденциальные? Насколько? – Мик начал получать удовольствие от этой перепалки.
- Ну... собственно... если честно, нам бы очень не хотелось, чтобы они получили широкую огласку.
- Почему?
- Это так важно?
- Я уже говорил вам, что важной может оказаться любая мелочь, советник Курио. Диана провела рукой по крашеным черным локонам, устало вздохнула.
- Поэтому я и просила Джеффа прислать человека, разбирающегося в наших делах, раз уж он не может приехать сам. Росса Блая, к примеру.
- Что, констебль Блай работает и на городской совет? – поднял брови Мик.
- О боже, нет! Просто мы друг друга знаем, вот и все! – Миссис Курио уперлась взглядом в стену, словно считая пылинки на обоях. – Он понимает, как мы работаем. Видите ли, констебль... э-э... констебль Гудвит...
- Гуд-ноу, – с расстановкой поправил ее Мик.
- Диана сжала челюсти. Тактика устрашения новенького дала сбой. Она терпеливо улыбнулась.
- Если вам так уж необходимо знать, констебль Гудноу, эти документы содержат соглашение о намерениях. Планируется перевести кое-какое имущество под управление горсовета. Ничего зловещего тут нет.
- Мик кивнул. Миссис Курио кивнула в ответ. Кажется, компромисс найден. И все же Мик спросил:
- Какое именно имущество?
- Так и знала, что вы спросите. Ответ будет коротким – я не вправе говорить об этом.
- Прекрасно. У кого-то есть копии этих бумаг?
- Разумеется, их нет ни у кого, иначе я бы сейчас не разговаривала с вами, вы понимаете?
- Мик вспомнил советы полицейского капеллана. Тот говорил, что в сложных ситуациях нужно глубоко вдохнуть и сосчитать про себя до восьми. Он так и сделал, после чего двинулся мимо Дианы в сторону окна.
- Давайте посмотрим, что здесь, если не возражаете. – Он поднял жалюзи. Ему не потребовалось долго разглядывать замок. Тот был взломан узким плоским инструментом, и что самое интересное, взломан изнутри.
- Прошу прощения. – Мик протиснулся мимо Дианы, стоявшей со скрещенными на груди руками, и подошел к шкафу. На металлических накладках замков виднелись мелкие царапины и одна длинная, узкая, как в случае с окном.
- У вас есть ключи от шкафа?

– Да. – Она открыла верхний ящик письменного стола, вытащила два маленьких ключика на проволочном кольце и бросила их на стол.

– Можете вставить их в замок? Мне нужно кое-что проверить.

Она повиновалась. Собачки замков были погнуты, но ключи все же поворачивались.

– Удовлетворены?

Нет, Мик был не вполне удовлетворен.

– Ключи от шкафа лежат у вас в письменном столе. Многие так их прячут. Неужели вор не сообразил бы поискать ключи именно там? Почему он вместо этого решил взламывать замки отверткой?

– Отверткой? Вы думаете? Значит, он и в окно так пробрался? – Диана на секунду сбросила маску холодной уверенности в себе.

– Думаю, вор хотел создать впечатление, что вломился через окно. На самом деле он вошел в дверь кабинета. Где вы храните ключ от офиса?

– В сумочке, разумеется.

– И где вы держите сумку?

– У себя дома, в спальне. Да, она все время была там! – Миссис Курио глянула на часы, подавила зевок.

– Запасные ключи есть?

– У мисс Мерчисон, она держит их в сейфе горсовета.

– Мисс Мерчисон – это администратор? – Мик мысленно сделал заметку, что стоит прощупать Эйлин Мерчисон.

Советник Курио явно подумала о том же.

– У нее была возможность, только она появилась не вчера, а уже восемь лет назад. По моему, Эйлин можно спокойно исключить из списка подозреваемых.

– Миссис Курио, а дома у вас есть комплект ключей? – внимательно посмотрел на нее Мик.

Она снова глянула на часы, решив, что Мик не понял намека.

– Мало ли что, бывают экстренные случаи.

На ее лице отразилась буря эмоций. Возобладало сомнение.

– Что вы хотите этим сказать?

Ага, кажется, мы нащупали уязвимое место... Он надавил:

– Диана, кто-то еще дома имеет доступ к ключам?

– У моего супруга есть чем заняться помимо каких-то ключей! – вспыхнула миссис Курио.

– Кто-то еще?..

– Послушайте, констебль, у меня сегодня дел по горло. – Она направилась к дверям, распахнула створки настежь.

Догадливый Мик взял шляпу и попрощался.

– Будем на связи, советник. – Он нарочито медленно поправил перед зеркалом головной убор.

– Замечательно! – И она захлопнула за ним дверь.

Гудноу прошел по фойе, чувствуя спиной неотрывный взгляд странных фиолетовых глаз девушки-администратора. Останавливаться Мик не стал, даже когда она что-то тихо шепнула вслед. Ему показалось, что брюнетка спросила: «Могу я вам помочь?» Надо было задать вопрос насчет ключей, но... Мик был настолько подавлен мышинной возней политиков маленького городка, неизбежным сопротивлением любой мало-мальской власти любому расследованию, где бы ни приходилось его вести – в большом городе или в деревне, – что сказал «нет» и толкнул входную дверь.

Заслонив глаза от блеска ярко-красного «ягуара», Мик с ревом мотора выехал со стоянки и был уже почти рядом с участком, когда до него дошло. Эйлин сказала: «Могу вам помочь». Это был вовсе не вопрос. Ему ничто не мешало вернуться, еще раз поговорить с администратором. Разве только ее невероятные глаза... Он наконец вспомнил, кого напоминала Эйлин: Элизабет Тейлор.

Мик проехал мимо участка, решив, что можно пока заняться чем-то полезным: например, навестить миссис Фэй Дункан, спросить, не нашлась ли сиамская кошка. По ходу движения промелькнули библиотека, методистская церковь, продуктовый магазин и похоронное бюро. Мика позабавила мысль, что в непосредственной близости от дома старой миссис Дункан было все, в чем она нуждалась. Он уже включил левый поворотник, но вдруг заметил на углу вывеску на старом здании из песчаника: «Земельное управление. С 1888 г.», – и тут же свернул к конторе, пока в голову не пришли другие идеи.

Глава 8

Хэл торчал на крыльце, поглядывая на свой дом. Вчера папа убрал в коробку складного Санта-Клауса и снял разноцветные гирлянды. Теперь до следующего года. Фасад дома светился чистой голубизной, вялый газон зиял проплешинами, кое-где выступали голые островки бурой почвы. Участок был огорожен белым штакетником. В открытых воротах стоял служебный универсал «Фалкон-500» с девизом компании на бортах: «Прайм фудс» для всей семьи». Багажник был забит упаковками с супом и коробками с полуфабрикатами. Нос машины нацелился на дорогу; крепкая рабочая лошадка с нетерпением ждала приключений на дальних рубежах.

Папа суетился в открытом гараже с замшевой тряпкой, нежно оглаживал свой «студебекер», пока машина не засияла, словно футуристическая скульптура. Плавные линии, роскошный салон... не автомобиль, а элитный рысак на колесах! Папа засвистел, гордо похлопал «студебекер» по отливающему бронзой капоту и накрыл машину тяжелым брезентовым чехлом, будто упаковав рождественский подарок самому себе.

Хэл заметил, что отец поглядывает в угол гаража, где на креплениях стоял новенький велосипед «Малверн стар». Там же хранился маленький самокат Эвана, который папа раскрасил в белый и зеленый цвета. Папа прошелся вдоль одной из стен, заставленных картонными коробками с супами и порошковыми десертами, остановился у верстака. Сверху висел небольшой прямоугольный ящик. Папа открыл его, проверил, на месте ли ружье. Он всегда говорил, что неплохо иметь оружие под рукой, пусть даже такую пукалку, как «Марлин-60». Мама-то вряд ли им когда-нибудь воспользуется, но Хэл мечтал, что однажды папа научит его стрелять. Когда-нибудь этот день наступит.

Папа насвистывал «Hit the Road Jack»², когда мама окликнула его от заднего входа. Папа не ответил, вытащил из пачки «Лаки страйк» и прикурил. Он поймал взгляд Хэла, подмигнул ему: «Женщины...»

Прошло десять минут. Хэл следил, как папа залезает в «фалкон», прогревает мотор. Эван, заслышав звук двигателя, тут же подскочил к водительскому окну, обнял папу. Хэл подтянулся поближе, стараясь напустить на себя беззаботный вид, хотя сердце так и екало от волнения. Мама стояла за мальчиками, махала отцу, тоже выдавливая бодрую улыбку.

– Хорошего спутешествия, пап! – крикнул Эван.

Отец засмеялся и прижал к себе сына.

Настала очередь Хэла чмокнуть отца, но тот вдруг отстранился. Хэл был обескуражен. Он знает? Неужели папа знает, что Хэл видел их с Дженной?

Неожиданно из окна машины высунулась рука, и Хэл непонимающе посмотрел на папу. Опомнился, схватил крупную волосатую кисть и крепко сжал. Папа тоже сдавил его руку, ухмыльнулся.

– А крепкая у тебя ручища!.. Присматривай за ними, сын. Хорошо?

– Я постараюсь... – Кисть нестерпимо заныла.

– Никаких «постараюсь»! Обязательно присмотри! Договорились? – Отец выпустил его руку и хлопнул по плечу.

Мама тоже наклонилась к папе, сверкнула своей ясной улыбкой.

– Поучишь меня водить, когда вернешься?

– Научу чему угодно. – Отец, усмехнувшись, коснулся губами маминой щеки. Его лицо тут же затвердело; он уже смотрел на дорогу, намекал, что хватит прощаться.

Мама сделала шаг назад, к сыновьям.

² «Джек пустился в путь» (англ.)

Папа лихо просигналил, и машина тронулась, подняв тучу пыли. Они стояли, смотрели вслед, а «фалкон» мчал на запад, куда по непонятным причинам папу влекло беспокойное сердце.

Мать повернулась и пошла к дому. Последовав за ней, Хэл краем глаза заметил миссис Соседний Дом. Та внимательно смотрела на Хэмфрисов через москитную сетку, сжав в углу рта сигарету. Мама махнула ей рукой, и сетчатая дверь тут же захлопнулась. Старуха исчезла в своей норе.

Мальчики направились к телевизору. Вот-вот должен был начаться «Мой любимый марсианин». Неожиданно путь им преградила мамина рука.

– Нет.

– Что «нет»?

– Дети, я не разрешу вам провести все каникулы у телевизора.

– А чем же мы будем заниматься?

– А вот возьмите и что-нибудь придумайте. – Мама мягко подтолкнула их к входной двери, вывела на улицу и вернулась в дом.

Хэл с Эваном переглянулись.

* * *

– Смотри-ка, кто пожаловал! Где вы были, Гудноу?

Мик вошел в участок, и за ним тут же вползла полуденная жара.

– Пришлось провести какое-то время в горсовете.

– Довольно много времени! Вы уехали в четверть одиннадцатого, сейчас – пятнадцать минут второго.

– Задержался по пути, встретил миссис Дункан. У нее были некоторые вопросы по поводу пропавшей кошки. – Мик не стал вдаваться в подробности.

– Так, это, значит, десять тридцать. А дальше? – вскинул бровь сержант.

– Проводил ее до дома. Все-таки возраст...

– Так, десять сорок пять.

– Задал ей несколько вопросов о Баттонс, пропавшей кошке. Есть у меня ощущение, что если кошка до сих пор не появилась, то уже и не вернется. Тем более если человек, который убил мою собаку...

– Вы все о своем? Одиннадцать. – Брэдли был явно зол.

– Я ведь не завтракал, только чаю попил. Как раз было время для ланча. – Мик сделал паузу, стараясь излагать четко. – Забежал в...

– Одиннадцать тридцать. Дальше?

– Последние полтора часа я был в...

– Вы были в земельном управлении! – взревел сержант. – Не припомню, чтобы поручал вам отправиться туда, констебль Гудноу!

Чертов клерк, проныра...

– Нет, не поручали, сержант.

– Что вы делали в земельном управлении, Мик? – Брэдли сложил на груди короткие руки.

– Искал кое-какие регистрационные записи, сержант.

– Какие еще записи?

– Последние сделки по приобретению земельных участков.

Брэдли с недоумением покачал головой.

– При проникновении в кабинет советника Курио были похищены три документа, сэр. Соглашения о намерениях по передаче контроля над тремя земельными участками. Процесс смены собственника уже инициирован.

- Пожалуйста, выражайтесь яснее, Гудноу.
- Одна леди предложила совету округа Мурабул приватную сделку. На следующей неделе совет будет голосовать по вопросу окончательного ее утверждения.
- Сделка с земельными участками? Какого черта, о чем вы говорите?
- Участки, судьбу которых советник Курио считает вопросом чрезвычайно деликатным. Хотя, полагаю, она несколько поторопилась, сказав, что переход прав уже начался. Поэтому я...
- Надеюсь, вы не проболтались клерку об этих бумагах? – насупился Брэдли.
- Я не знал, какие именно документы ищу. Просто попросил показать мне все регистрационные записи за два года, сделки по которым еще не завершены. Судя по всему, советник Курио приобрела неостребованные муниципальные земли в Армидейле по соглашению с местным советом. Планировалось построить там дом престарелых при сотрудничестве с советом Армидейла.
- Тоже мне новости, – перебил Мика сержант. – Что тут такого?
- Земельные участки, в которых заинтересована Курио, находятся в заброшенном имении в Фоллз-Лейн. Там когда-то жила семья в доме-трейлере. До того, как их всех убили восемнадцать лет назад.
- И что? Хлам это, а не земля. – Брэдли ткнул пальцем в грудь Мика. – Обожаешь самостоятельность? Вынюхиваешь заговоры? Меня предупреждали.
- О чем предупреждали? – В желудке Мика словно набух твердый ком.
- Твой помощник комиссара, Терри Бирн, говорил, что ты не командный игрок. Волк-одиночка. Не любишь подчиняться. Правда, другие твои качества это компенсируют, вот что он сказал. Только что это за «другие качества», Мик?
- Вряд ли мне стоит самому себя нахваливать.
- А больше-то тебя никто не нахваливает, парень! Даже твой дружок Терри. – Брэдли протер очки подолом рубашки. – Мы ведь с тобой договорились, Мик. Ты констебль на испытательном сроке, занимаешься общими вопросами. Опять корчишь из себя детектива? Ты больше не детектив, неужели еще не дошло?
- Гудноу внимательно изучал пол кабинета.
- Нечего совать нос в дела, которые никак не связаны со взломом и проникновением! Это дела гражданские.
- Обвинение признает вас виновным...*
- Да, но...
- Советник Курио на тебя жалуется. Говорит, что ты вел себя совершенно бестактно, а ведь она рассказывала тебе конфиденциальные вещи. Более того, ты ее оскорбил!
- Оскорбил? Я поинтересовался пропавшими документами! А как еще я могу распутать дело? Это моя работа.
- Вынюхивать, копать в грязном белье? Устраивать бессмысленные раскопки регистрационных записей? Это твоя работа? Нет, Мик, ты ведешь протоколы, ты утешаешь жертв преступлений, заносишь происшествия в журнал, докладываешь старшему по званию. Вот твоя работа! – Он уставился на Мика. – Да кто ты вообще такой, Гудноу?
- На этот раз Мик не стал отводить взгляд.
- Констебль на испытательном сроке, сэр!
- Да. На испытательном.
- Мик кивнул и уткнулся в журнал происшествий, игнорируя усмехавшегося Пётровича.
- Хочешь совет, Мик?
- Он повернулся к Брэдли.
- Может, Курио и чудна я стерва, но для Мурабула они сделали много. Горсовет, клуб для полицейских. Здание под участок тоже передали нам они, ты в курсе?

– Никак нет, сэр. Понятия не имел, – отрапортовал Мик, пытаясь произвести впечатление покорного, пристыженного младшего чина.

– Так вот, теперь знаешь.

Глава 9

Хэл ударил по педалям нового велосипеда и пролетел мимо разноцветных домов, оставляя позади детвору. Малыши махали ему, кричали вслед; Хэл только тренькал звонком. Далеко позади взвыл Эван:

– Не гони! Подожди меня!

Хэл попытался притормозить на ухабистой дорожке и едва не перелетел через руль. Нет, на скорости безопаснее. Через несколько минут он осмелел настолько, что выехал на проезжую часть. Никакого сравнения с тротуаром, по дороге ехать куда легче. Он получал такое наслаждение, что из головы совсем вылетело – он ведь должен присматривать за Эваном. Когда он наконец оглянулся, брата и след простыл.

Хэл незаметно для самого себя заехал в бедную часть города. Улицы тут были в рытвинах, некоторые участки затянуты ограждающими лентами комиссии по ветхому жилью, газоны пожухшие или совсем лысые. Тощие пацаны бросали на него хмурые взгляды из обшарпанных дверей.

Хэл развернулся и поехал искать Эвана, по пути громко тренькая звонком в надежде, что брат услышит. Эван не появился, зато худой парнишка постарше Хэла, по виду – стреляный воробей, швырнул в него камень.

– Чего триндишь, черт бы тебя побрал, вефь мозг уже вынеф! – оскалился парень.

Хэл с визгом тормозов остановил велосипед. Парень скривился, обнажив давно нечищенные зубы, затолкал грязную футболку под ремень джинсов.

– Эй, кент, думаешь, фамый умный? Вфтретимфя в школе, пофмотрю, что ты за гребаный умник! А ну, проваливай! – Он подхватил еще один камень, и Хэл нажал на педали.

Он мчался дальше, потрясенный злобой, которую источал мальчишка. Его странная шепелявость только усугубляла неприятное ощущение. Лишь в конце квартала Хэл решил снова тронуть звонок велосипеда. Он свернул за угол и тут же наткнулся на одинокого Эвана. Тот сидел на корточках, уставившись в сточную канаву. Слава богу...

Хэл подкатил к брату, небрежно спрыгнул.

– У тебя все нормально?

– Ты же обещал подождать! Я потерялся!

– Никуда ты не потерялся. Смотри, там парк. – Хэл уверенно ткнул пальцем вперед.

– Я домой. – Эван отмахнулся от мухи. – Пить хочу!

– В парке есть фонтанчик. Пойдем. – Хэл понятия не имел, можно ли в парке попить, просто не мог допустить, чтобы Эван побежал жаловаться маме. – Ну прости. Поедешь на раме?

Эван пожал плечами и молча проводил взглядом брата, который прятал в кустах его самокат. Эван запрыгнул на раму, и они, покачиваясь, поехали по пустым улицам.

Солнце палило немилосердно. Хэл внимательно глядел по сторонам – не выскочит ли откуда тот отвратительный мальчишка. К счастью, никто их не преследовал.

Через несколько кварталов братья добрались до Т-образного перекрестка. На углу работал паб под вывеской «Бэтсманс армс». Ожидая, пока мимо проползет машина, Хэл увидел в окне паба десяток мужчин в футболках и шортах. Посетители покуривали, пили пиво, разглядывали туристические справочники. Хэл свернул к парку напротив паба, держа курс на красную телефонную будку с серой, загаженной птицами крышей. На ветвях большого камедного дерева плотной кучкой сидела дюжина сонных какаду. Братья проехали мимо заброшенной игровой площадки. У детей, для которых в свое время устанавливали качели, лодочки и заржавевшие турники, наверняка уже были собственные дети.

– Пойдем на лодочки, Хэл! Ну Хэ-э-эл!

– Тихо, Эван.

Сквозь заросли деревьев, за качелями, Хэл разглядел желтоватые пустоши и подъехал к большому железным воротам, которые перекрывали извилистую дорожку. Тропка вилась между деревьями и исчезала в зарослях засыхающих эвкалиптов, а уже дальше, до самого горизонта, простиралась пастбища.

Хэл снял ржавое кольцо с железного штыря, распахнул ворота и выехал на тропинку. Притормозив, попросил брата:

– Прикрой ворота!

Эван сердито соскользнул с рамы, вернулся назад, запер вход в парк. Снова залез на велосипед, и мальчики покатали дальше.

Они ехали и ехали по неровной дорожке, сквозь поросль паспалума. Растительность вокруг была тех же тусклых цветов, что и приземистое желтовато-коричневое сооружение, возникшее на холме неподалеку. Металл отражал горячее солнце. Это был «Придорожный двор», тот самый древний автоприцеп, который они обнаружили пару недель назад.

Хэл остановил велосипед у ржавого ограждения из колючей проволоки, проходящего вокруг прицепа и опрокинутых деревянных будок. Сотней ярдов ниже, у подножия холма, змеился ручей, отделяя участок, на котором стоял прицеп, от пустошей, подходивших к самому дому Хэмфрисов.

– Разлом мира, – прошептал Хэл в сторону склонившихся ив и мутного ручья, словно произносил тайное заклинание, способное разбудить древних богов.

Эван пнул бугорок у скособочившихся ворот.

– Даже не думай! Вдруг там кто-то живет...

– Здесь? Да ты посмотри на эту рухлядь! – Хэл ткнул пальцем за ворота, где посреди сорняков осыпающаяся бетонная дорожка подходила к двери прицепа. – Спорим, из окон этой штуковины видно наш дом?

Братья вздрогнули – со стороны прицепа неожиданно раздался жуткий звук.

– Там могут быть привидения, – прошептал Эван.

– Привидения? Ой как страшно...

– Ну так зайди внутрь, попробуй!

Болтавшиеся с внутренней стороны разбитых окон кружевные занавески так и манили заглянуть в щелку. Хэл ощутил невольное желание открыть облупившуюся желтую дверь. Он уже было положил руку на щеколду ржавых ворот, и тут его остановил громкий треск. Хэл так и застыл с протянутой рукой.

– Ну! Чего ждешь? – подначил его Эван.

– Вдруг там змеи?

– Да ты просто призраков боишься, Хэл!

– Какие еще призраки?

– Эх ты, трусишка! Да попробуй, второй раз уж прошу. Боишься, боишься!

– Закрой варежку, дурень! – Хэл приблизился к воротам, со скрипом отворил створку и начал пробираться к желтой двери. Кусты паспалума, проросшие на дорожке, доходили ему до колен. В двух ярдах от двери Хэл встал и присмотрелся к приоткрытой ржавой задвижке. Еще два ярда. Ну или две мили, это как посмотреть.

– Струсил!

– Да что ты говоришь... – Хэл заставил себя коснуться щеколды и уже собрался было откинуть ее, когда изнутри донесся глухой стон. Волосы на шее Хэла встали дыбом.

– Беги! – завизжал Эван. – Сматывайся отсюда!

Хэл рванул к воротам прямо через высокую траву, увидел, что брат кинулся вверх по дорожке, и сменил направление. Он промчался во весь опор до подножия холма, пока не вылетел на освещенное место, к Разлому мира.

Там присел на камнях, перевел дыхание и собрался с мыслями. Кем бы посчитал его Шерлок Холмс? Разве знаменитый детектив стал бы трусливо улепетывать от собаки Баскервилей только потому, что ее все боялись? Призраки, значит? Гм... Хэлу стало стыдно за свое поведение, и все же он вновь подскочил, услышав еще один леденящий душу стон из прицепа. Стон перешел в пронзительный кашель, и Хэл заподозрил, что его кто-то разыгрывает, крепко разыгрывает.

Он снова взбежал на верхушку пригорка, остановился перед дверью и хрипло крикнул:

– А ну, покажись! Я знаю, что ты там! – Под прицепом метнулась какая-то тень. – Я тебя вижу! Выходи! – Хэл помолчал и сурово добавил: – Выходи, или мы с братом сами тебя вытащим!

– О боже! Я прям сейчас обделаюсь от страха! – послышался тонкий голосок.

Хэл с облегчением выдохнул, когда из-под прицепа выбралась худенькая фигурка. Не тот паршивец из города, слава богу. Призрак выпрямился, вылупил глаза на Хэла. Низенький, тощий как щепка мальчишка в обвисшей шляпе, из мешковатых шортов высовываются тонкие ножи. Обычный ребенок с ведерком в руках.

– Ну-ка, Каспер, дай на тебя взглянуть.

Привидение припустило вниз по склону, прямо на Хэла. Хэл подставил ногу, но мальчишка ловко увернулся, схватил его за рубашку и развернул. Хэл грохнулся на спину, прямо в ил у ручья, успев пожалеть о своей самонадеянности.

– Вали отсюда! – завизжал парнишка.

Хэл уже устал от того, что сегодня его посылают все подряд. Он медленно поднялся.

– У меня столько же прав здесь гулять, как и у тебя. Я сюда первый пришел!

– Не гони! – плюнул мальчишка. – Это не твое место.

– А чье же тогда? Здесь никто не живет.

– Ты, блин, точно не живешь. Так что дуй отсюда! – Звучало круто, если бы не тоненький голосок незнакомца.

Теперь Хэл видел, что мальчишка темнокожий. Самый настоящий абориген, только ребенок. Хэл почувствовал себя слегка не в своей тарелке – ведь это был всего лишь третий абориген, с которым ему довелось заговорить. Не то чтобы Хэлу хотелось поболтать...

– Да иди ты к черту, – буркнул он.

Темнокожий пацан снова схватил Хэла за рубашку и попытался спихнуть в ручей. Хэл зажал его шею в замок. Они пихались и толкались, пока не выкатились прямо к воде. Хэл оказался сверху и тут же сел на спину противнику, схватил его за беспорядочно размахивающие руки и почти без труда перевернул.

– Это тебя кое-чему научит, – выдохнул Хэл.

Незнакомцу бы признать поражение, но он вдруг разразился тоненьким хихиканьем.

– Что тут смешного, черт тебя побери? – Хэл зажал тонкие запястья поверженного врага между коленями.

– Кокошки свои нигде не потерял? – Мальчишка просто взвыл от смеха.

Хэл глянул вниз и, к стыду своему, обнаружил, что одно розовое яичко вывалилось из шортов. Он убрал одну руку, чтобы навести порядок, и неприятель тут же вывернулся из-под него, встал на четвереньки и прожег Хэла взглядом.

– Борешься как девчонка, – прыснул пацан.

Не найдясь с ответом, Хэл повторил за противником:

– Сам ты как девчонка!

– Да ты совсем ку-ку! – Призрак скинул шляпу, предъявив Хэлу девчачье лицо под шапкой коротко остриженных кудрявых волос. Девочка явно наслаждалась смущением Хэла.

– О господи... – поморщился Хэл. – Я не дерусь с девчонками.

– Зато я дерусь! И с мальчишками тоже, если достают.

Она успокоилась, пожала плечами и, запустив руку в ведро, извлекла бумажный пакет.
– Ладно, твоя взяла. – Хэл пристыженно заправил рубашку в шорты. – Твое место. Мы уходим.

– Кто «мы»? Ты и твой маленький братец? Да он уже на полпути к дому. Крутая шайка. Хэл не стал реагировать на оскорбление, отряхнул колени и окинул взглядом берег ручья в поисках брата.

– Сэндвич хочешь? – предложила девочка, отломив половину. – Баранина с соусом. Угощайся – вкуснятина.

Хэл осторожно взял половину бутерброда, невольно ожидая какой-нибудь пакости. Улыбается девочка хорошо, подумал он и вонзил зубы в булку.

– Спасибо.

Приятное лицо, даже стрижка под горшок не портит. Поразительно, насколько устрашающе аборигенка выглядела несколькими минутами раньше. Они сидели рядом и уплетали сэндвич, поглядывая на грязный ручей.

– Ты здесь новенький, да? – прервала молчание девочка.

– Допустим. Приехал три недели назад. Меня Хэл зовут.

– Али, – чавкая, представилась девочка.

– Гм. Али... От какого имени это сокращение?

– Алисон. Но я его поменяла. Помнишь, когда Мухаммед Али выиграл титул? «Алисон» занудно звучит. – Она скорчила рожицу и пропищала: – Алисон? Мисси Алисон Тенпенни...

Хэл расхохотался, кусочки мяса полетели изо рта на землю, и Али закатила глаза.

– Прелестно. Где манер таких нахватался?

– Я из Сиднея, – пожал плечами Хэл.

– Из Сиднея? Правда?

Хэл кивнул.

– Когда-нибудь я там побываю. Только сперва – в Париже. Потом Нью-Йорк, Лондон. И еще Мозам-бикью.

– Мозамбикью? Это где?

– Африка, болван.

– Зачем тебе туда?

– Ну, перво-наперво, они выпускают мои самые любимые марки в мире. А еще белые оттуда бегут, вот.

– А, ну да. – Хэл не стал обращать внимания на обвинительные нотки в голосе Али, потому что не совсем понял, о чем она, и ткнул рукой с бутербродом в направлении холма. – Была там?

– В прицепе-то? Нет. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь схватил. Не любят они, когда люди внутрь заходят.

– Кто не любит?

– Да привидения же!

– Сама придумала? – усмехнулся Хэл.

– Если я изображала призрак, это еще не значит, что их нет, – серьезно сказала девочка.

– Ну ладно. – Он согнал с лица скептическую ухмылку. – Так что там за духи такие?

– Да так, одна семья. Белые.

Хэл глянул на прицеп и заметил Эвана, который выглядывал из-за угла. Братишка неистово махал Хэлу. Он отвернулся и посмотрел на Али. Та достала из ведра баночку из-под устриц, перетянутую леской. Внутри лежали хрящики и кусочки мяса, и Али вывалила содержимое баночки на берег, затем выглянула из-за плеча Хэла и заметила, что Эван по-прежнему размахивает руками.

– За тебя беспокоится. Иди выручай, – блеснула Али белоснежными зубами.

– Видишь? – почти шепотом сказал Хэл, ткнув пальцем в направлении большой ржавой бочки, лежавшей на боку ярдах в двадцати от них. – На днях мы нашли в ней мертвую собаку.

– Мертвую собаку? Да ладно! – Девочка уставилась на бочку. – Как она туда попала?

– Кто-то убил ее и запихал внутрь вверх тормашками. Мы похоронили ее вон под тем деревом. Во всяком случае, присыпали листьями и землей. – Хэл глянул на иву и вскочил, нахмурившись. – Где же она?

Желтые одуванчики и пучки лилового чертополоха раскрасили берег цветными мазками от самой верхушки холма до неровных рядов чахлах ив. Хэлу показалось, что кто-то выбросил на берег ветхий ковер и оставил его догнивать под раскаленным солнцем. Наконец он заметил под деревьями красную глиняную насыпь прямоугольной формы. Хэл быстро сделал несколько шагов к холмику, нагнулся над ним и внимательно осмотрел.

– Интересно, кто ее сюда перенес? – удивился он. – Наверное, сам убийца.

Али с любопытством наблюдала за Хэлом.

– Как думаешь, кто убил? – спросила она.

– Без понятия. Но я выясню, – пообещал Хэл, сам поразившись своей решимости. До этой секунды у него и в мыслях не было проводить расследование, и вдруг вырвалось, да еще при незнакомке. Если честно, ему даже понравилось, как расширились красивые глаза Али. Что ж, стало быть, придется выяснять.

– Хэл! Да иди же сюда!

Было невозможно и дальше не замечать Эвана.

– Еще есть братья? – спросила девочка. – Или сестры?

– Нет, только он. – Хэл пожал плечами. – А у тебя?

– Пять братьев. Они все уже уехали из города.

– Везет!

– Хэ-э-эл! Быстрее! – надрывался Эван.

– Ну... ладно, брейк, Али.

Али поморщилась: видать, слышала эту шутку уже тысячу раз. Хэл взбежал вверх по склону и обернулся, помахав на прощание, но Али Тенпенни было уже не до него – девочка забрасывала в ручей леску.

– Призраки... Ну-ну, – пробормотал Хэл, пробегая мимо прицепа к несносному младшему брату.

Он не догадывался, что из окна прицепа за ним незаметно следят чьи-то глаза.

Глава 10

Милая Шерил!

Прости, что пришлось сообщить тебе печальные новости о Чарли, ведь вы так веселились вместе в прошлом году...

Мик перевел взгляд с письма на фото в рамке, что стояло на ночном столике. На снимке его юная дочь с улыбкой прижимала к себе щенка немецкой овчарки; Мик гордо, как и положено отцу, обнимал девочку.

Снимок он делал в прошлом году. Как раз были длинные выходные, Шерил исполнилось пятнадцать, а незадолго до этого у Мика появился Чарли. После того как Чарли пописал на туфли дочери, между девочкой и собакой установилась прочная связь. Щенок следовал за Шерил, куда бы она ни пошла, точно утенок, который постоянно держится в хвосте у матери. Мику хотелось, чтобы дочь взяла Чарли с собой, но ее мама была сыта по горло немецкими овчарками. Тогда он сказал Шерил, что каждый раз, когда она будет приезжать, Чарли будет только ее собакой, и больше ничьей.

Мне грустно говорить тебе об этом, но перед Рождеством его укусил клещ. Ветеринару пришлось усыпить Чарли. Он умер во сне, без боли.

Гудноу ломал голову, как бы закончить маленькую сказку на оптимистической ноте, когда со двора раздался вой собак. Он выскочил наружу. Овчарки, взъерошив шерсть, яростно облаивали что-то за забором в задней части двора. Мик осветил фонарем темный угол за штaketником. Луч ударил в заднюю стену пресвитерианского собрания, выхватил из темноты хозяйственные постройки. Здание собрания в основном пустовало, только по четвергам и воскресеньям группа молодых прихожан проводила заседание Братства пресвитерианских следопытов. Сегодня там никого быть не должно.

– Кто здесь? – крикнул Мик. Тишина. – Я спущу собак! – Овчарки немедленно поддержали его грозным рычанием. – Не надо меня вынуждать!

Он провел лучом по зданию и опять никого не обнаружил. Наверное, опоссум... Так или иначе, собаки вроде успокоились. Мик отвел их от забора и открыл заднюю дверь. Овчаркам дополнительных приглашений не потребовалось. Когти застучали по линолеуму; собаки проскочили в дом и забежали в гостиную. Вилли тут же запрыгнул на диван, а Кэти растянулась у холодного камина.

– Все, отдыхайте.

Собаки и не думали суетиться. Мик вернулся к письму, ощутив вдохновение, и дописал последние строки:

Кэти и Вилли надеются, что скоро ты к нам приедешь. Ждем тебя в последнюю неделю каникул. Собаки ужасно соскучились и шлют привет.

Говоря о надеждах собак, Мик намекал на собственные нежные чувства. Он вырвал лист из блокнота, положил его в подписанный конверт и приклеил марку, лизнув ее с обратной стороны. Конверт лег в ящик стола, где уже скопилась стопка неотправленных писем. Когда-нибудь он их отправит. Или просто вручит дочери лично. Когда-нибудь...

* * *

Мальчики играли в покер собственного изобретения, то и дело шлепая картами по кофейному столику. Мама сидела рядом, смотрела по телевизору развлекательную викторину «Найди приз». За матовым стеклом двери зазвонил телефон, и все трое оглянулись.

– Должно быть, папа, – загадочно улыбнулась мать. – А вдруг?

Просияв, она пошла к аппарату.

– Ну а кто еще? – заметил Эван.

Честно говоря, им мало кто звонил. С тех пор как папа уехал, телефон почти все время молчал. Мама остановилась у аппарата, ждала, пока не прозвучит еще несколько звонков.

– Мама, сними трубку, ради бога. Не делай вид, что до тебя невозможно дозвониться!

Мама протянула руку, плавным, как в замедленной съемке, движением подняла трубку.

– Алло, Джон?

Хэлу при раздаче пришло три королевы, и он на какое-то время перестал прислушиваться. Дождался, когда Эван сделает ход, и бросил карты на стол с видом победителя. Эван запротестовал, но Хэл отмахнулся от брата, услышав, как мама сказала:

– Вы меня слышите?.. Плохая связь... Алло!

Хэл обрадовался, сгребая свой выигрыш – кучку спичек, и не сразу осознал, что мама давно уже просто молчит с телефоном в руке. Наконец она резко сказала:

– Это, в конце концов, просто глупо, Джон.

Замечательно... Опять ругаются. Снова наступила тишина, лишь рядом причитал Эван, обвиняя брата в жульничестве. Потом Хэлу показалось, что мама тихо говорит:

– Что вы хотите сказать? Кого я ненавижу? Ее голос звучал странно, вроде как с подозрением. Да что с ней такое?

– Кто это? Не звоните мне больше! – выкрикнула мама и швырнула трубку на рычаг.

Она вернулась в гостиную, и Хэл почувствовал: что-то не так. Мама села на диван, сердито уткнулась в женский журнал. Ее хорошее настроение куда-то пропало. Наверное, осталось в тех краях, откуда звонил папа. Хэл попытался подбодрить маму.

– И как там папа?

– Это был не он.

– А... кто же звонил?

– Ошиблись номером.

– Ошиблись номером? Но ты говорила «солнышко, дорогой», как будто разговаривала с папой. – Хэл хотел сказать, что и ругалась она так, точно на проводе был отец, но воздержался.

– А ты зачем подслушиваешь, большое ухо? – Мама встала и выключила телевизор. – Все, пора спать!

– Да ведь только полвосьмого! – запротестовал Эван.

Конечно, ничем хорошим попытка не закончилась.

Хэл укрылся простыней, взял книжку и включил фонарик. Не удавалось вспомнить ни одного рассказа о Шерлоке Холмсе, где речь шла бы об убийстве собаки: если только в «Собаке Баскервилей», – но там чудовище как раз заслуживало смерти. Он подумал, что сможет разжиться ключом к расследованию в каком-то из других рассказов, и уже погрузился в чтение «Пестрой ленты», как вдруг за окном хрустнула ветка и послышались шаги. Кто-то бродил снаружи.

Хэл вскочил, поднял жалюзи и попытался хоть что-то рассмотреть в кромешной темноте. Увы, кроме своего отражения в стекле, он ничего не увидел. Нет там никого, за окном, убеждал он себя, однако по коже поползли мурашки, точно настоящие муравьи. Пытаясь не обращать на них внимания, Хэл снова лег, натянул простыню до подбородка и устался в книгу. Ничего там нет, просто воображение разыгралось.

Буквы начали расплываться, веки превратились в магниты, и их неудержимо тянуло друг к другу. Книжка тихо соскользнула на колени... и тут раздался страшный грохот.

– Черт! – Хэл подскочил в кровати: сна как не бывало, – раздвинул пальцами планки жалюзи и высунул нос наружу. Слабый свет из окна родительской спальни – больше ничего видно не было.

– Хэл, что это? – Эван сидел в постели с вытаращенными глазами.

– Ничего. Спи.

Хэл нашел маму на крыльце. Она стояла на коленях в домашнем халате, сметала в кучку осколки разбитого горшка. Того самого, в котором сидела шеффлера. То есть сидела еще несколько минут назад. Хэл прекрасно знал, как дорого маме это растение. Сейчас его останки валялись на половой плитке. Растение превратилось в кучку изломанных стеблей и разорванных листьев.

– Мама, что случилось?

Она подняла к нему мертвенно-бледное лицо, встала на ноги.

– Наверное, сдуло ветром.

– Ты шутишь? – Хэл глянул на деревья. Ночь была неподвижна, точно замерзшее озеро.

– Никакого ветра нет, мам, – вклинился подошедший Эван, большой любитель подмечать очевидное.

– Идите в постель, дети.

Корри Хэмфрис окинула взглядом дома вдоль улицы. Горело одно-единственное окошко, у миссис Соседний Дом. Слабый свет пробивался из-за штор.

– У миссис Соседний Дом горит свет, – заявил Эван, на случай если мама не заметила.

– В кровать, быстро!

Эван медленно попятился в дом, Хэл же не двинулся с места.

– Что ты собираешься делать?

– Схожу поговорю с ней.

– О чем?

– Ты уйдешь в спальню или нет, Хэл! – Мама втокнула его в дом и захлопнула дверь.

Братья смотрели в окно рядом с кроватью Хэла. Мама была уже у двери миссис Соседний Дом, нетерпеливо притопывала ногой по крыльцу. Наконец дверь открылась, и наружу выползла старуха с сигаретой в сморщенных губах. Мама стала ей что-то объяснять, показывая на их крыльцо. Пронзительный вопль разрезал ночь, словно бритвой. Орала миссис Соседний Дом:

– Своих щенков сначала спроси!

Эван захихикал так громко, что Хэл был вынужден зажать ему рот. Старуха продолжала разоряться:

– Да как ты смеешь... ложные обвинения... вас всех!

Мама, заикаясь, бормотала извинения, точно ее застукали за кражей бумажника из кармана.

Миссис Соседний Дом выкрикнула:

– Тоже мне, принцесса! – и захлопнула дверь перед носом мамы.

Мама вернулась, и Хэл не удержался, повторил:

– Своих щенков спроси...

Мама молча закрыла дверь.

Глава 11

Чьи-то руки заталкивали его все глубже в могилу, и Гудноу закричал: «Я не тот, кто... Я не...» Он наткнулся на тело. Его дочь, еще жива. «Шерил, Шерил!» – продолжал кричать Мик. Рот был забит песком, грудь сдавила тяжесть падавшей сверху земли, вытесняя воздух из легких...

Он проснулся как от толчка. На грудь что-то продолжало давить, только не песок, а всего-навсего один увесистый пес, развалившийся у Мика на животе. Лапы Вилли елозили по груди Мика: собаке тоже снился сон. Гудноу сел и пихнул пса:

– Ну-ка вставай!

Вилли даже ухом не повел.

– Поднимайся! – Мик толкнул его еще раз, покрепче.

Вилли тяжело соскочил на пол, встряхнулся и тут же рванул к задней двери. Мик услышал, как когти собаки заскребли по задвижке, вылез из постели и открыл замок. Вилли выскочил во двор.

Мик налил себе воды и тонкой струйкой вылил полстакана на вспотевшую шею. Часы показывали четверть четвертого. Пятнадцать минут после самого глухого, колдовского часа ночи. Все из-за того, что не выпил на ночь мандракс, хотел сохранить с утра ясную голову. Большая ошибка! Он разыскал флакон на раковине, закинул в рот одну пилюлю. Немного подумал и отправил вслед за первой вторую. Привыкание? Плевать, зато волшебный мандракс избавлял от ночных кошмаров до самого звонка будильника в половине седьмого.

Из гостиной донеслось тихое поскуливание. Проснулась Кэти, наблюдала за хозяином. Наверное, тоже снились кошмары. Кто знает, что происходит в голове у спящей собаки...

– Ложись, Кэти. Спи.

Овчарка опустила голову на пол. Мик стоял в дверях, смотрел в ночь, поджидая Вилли. Вокруг жужжали мотыльки, шуршали крылышками о сетку. Вилли неторопливо зашел в дом, растянулся у очага, и Мик запер дверь.

Лекарство подействовало, в голове возник мягкий туман. Мик щелкнул выключателем и встал перед стеной с уликами, внимательно глядя на причудливый узор записок и вырезок, на жуткие снимки. Не стена, а смертельный гобелен. *Как же мы его упустили... надо еще раз все обдумать.*

В одном они были правы: убийца молод, во всяком случае – не намного старше девочек, которых он кромсал, словно мясник. Они опросили тысячи парней и мужчин, усердно проверили их алиби. И все же позволили ему ускользнуть. Нет, это не один из рослых блондинов-серферов, на которых О’Дауд и его команда потратили столько времени. Молодой психопат явно не привлекал внимания девчонок. Он был толстым или тощим, прыщавым, кривоногим, с одутловатым лицом, тусклыми волосами, с носом, напоминавшим корявый башмак... Мику был знаком этот типаж. Одиночка, боится девушек и в то же время желает их, не может справиться с навязчивыми идеями. Он еще не замечен в изнасилованиях или вызывающих приставаниях к девушкам, не фигурирует как педофил, но не потому, что всего этого не делал: делал, только его ни разу не схватили за руку.

Следовало раскинуть сети шире, захватить ту рыбешку, которая из них выплыла, даже ту, которую они сами отбросили за никчемностью. Однако репортеры прислушивались к О’Дауду. Выпускник хорошей частной школы, красноречивый, фотогеничный. Таким был старший сержант. О’Дауд проявил впечатляющие способности, посеяв в обществе страх перед развивающейся субкультурой серферов, и чудовище в глазах публики стало прочно ассоциироваться с симпатичным молодым бунтовщиком – своего рода австралийским Фрэнки Авалоном. Он мог поцеловать девушку, а мог заставить умереть.

В газетной вырезке под самым потолком неровной красной линией была отчеркнута строка: *Не каждый живодер превращается в убийцу, но почти все психопаты начинали с истязаний и убийства животных.*

Покачиваясь в дверном проеме, Мик зажмурился и увидел Чарли, несущегося по пустырям. Перед глазами замелькали образы. Кровоточащая собачья голова, щека, пронзенная рыболовным крючком, изуродованная лапа... Левая лапа, с вырванным когтем. Что же ты пытаешься сказать своими странными играми, юный экспериментатор с искореженным рассудком? Почему левая лапа? Убийца – левша? Или просто совпадение? Это покажет только следующая жертва. А пропавшая кошка? Кто будет следующий? Лошадь, человек?

Сознание замерло, и непослушные ноги сами донесли тело до гостевой кровати. Мик тяжело рухнул в койку. Над ним покачивалась лампочка без абажура. Она так и горела до самого рассвета, точно бдительный часовой.

Глава 12

Мама попросила Хэла не тревожить брата – пусть поспит подольше после ночных потрясений. «Бедный ребенок...» – сказал Хэл, прыгнул на велосипед и вырулил на залитую солнцем улицу. Хотелось приключений. И они нашлись. На качелях у красной телефонной будки сидела Али в своей обвисшей шляпе и с неизменным ведрком. Хэл подъехал к девочке, бросил обычное мурабулское:

– Привет, как жизнь? Достаточно тепло сегодня?

– Дашь велик? Хочу проехать вниз до ручья.

Хэла идея не вдохновила, и он предложил довести ее до прицепа – уже полпути до места.

– А от прицепа можем прогуляться по берегу. Годится?

– Пойдет! Двинули!

Али ухмыльнулась, запрыгнула на велосипед и уцепилась за седло. Хэл завилел между ямками и камнями. Они промчались сквозь рощу эвкалиптов. Ведро позвякивало о спицы, Али что-то кричала ему прямо в ухо. Хэл так смеялся, что не мог отдышаться, когда они наконец остановились с визгом тормозов у забора из колючей проволоки. Али соскользнула с велосипеда, брякнув ведром, и уже была готова идти дальше.

Хэл продолжал сидеть, изучая загадочный прицеп.

– Кто там жил, знаешь?

– Знаю. – Продолжения не последовало.

– Что с ними случилось?

– Расскажу потом. В свое время. – Али пошла вдоль забора.

Хэл провожал ее взглядом, пока та не дошла до задней стенки прицепа, откуда открывался вид на серовато-коричневые пустоши. Хэл встал, полез вниз по голому склону к берегу ручья, крикнул девочке:

– Смотри, Разлом мира! – И тут же понял, что допустил крупную ошибку.

– Разлом чего? – фыркнула девочка. – Это у тебя в черепушке разлом!

Она не стала дожидаться, пока Хэл объяснит, и побежала вниз, соскользнув по крошащемуся берегу к мутному ручью. В ведре что-то брякало. Али уже успела забросить удочку, когда Хэл приземлился на песок рядом с ней, и внимательно следила за кругами на коричневой воде.

– Что ловишь?

– Тсс. – Али нахмурилась. Хэл присел рядом на корточки. – Ты что, никогда на раков не ходил?

– Раки? – Хэл помотал головой. – Что это?

– Подожди, увидишь.

Прошло несколько секунд, и леска запрыгала, задергалась. Али медленно начала наматывать ее на руку, потихоньку подтягивая к берегу, пока из взбаламученной воды не показалось нечто в грязном панцире, с крошечными черными глазами на усиках. Создание вцепилось зловещего вида крюками в кусок мяса. Али поднесла рака клешнями прямо к испуганному лицу Хэла, разразилась хохотом и бросила извивающуюся тварь в ведро.

– Только не говори, что ты их ешь, – с отвращением произнес Хэл.

– Не ем – цепляю к заднице для развлечения!.. Ладно, шучу. Раки – закуска что надо. Мы летом только на них и живем.

Она снова забросила удочку, не меняя наживку, и через полминуты кинула в ведро еще одного возмущенного рака. Хэлу тоже захотелось попробовать.

– Да ради бога. – Али сунула ему леску и кусок мяса из сумки. – Только насаживай хорошенько.

Он хорошо закрепил мясо, раскрутил леску и швырнул в реку. Крючок с наживкой перелетел через ручей и плюхнулся на другом берегу, прямо в ил. Али чуть не умерла со смеху. Хэл сделал еще одну попытку. На этот раз, по счастью, грузило с крючком упали точно посреди ручья. Хэл уселся, выжидая, но, сколько ни смотрел на леску, та не колыхалась.

– Сколько ждать?

– Пока не возьмет наживку. – Али обернулась к ивам, нависшим над ручьем. – Слушай, ты выяснил, кто его там закопал? Ну, того пса. – Она кивнула на могильный холмик под деревьями. – Кто-то же выкопал для него яму.

Хэл пожал плечами.

– Наверное, тот, кто его убил.

– Нет, – покачала головой Али. – Такая хорошая могилка... Скорее уж тот, кому до него было дело.

– Ты хочешь сказать – хозяин? – неожиданно дошло до Хэла.

– Почему нет? – Али глянула на воду. – Клюет.

– Кто клюет?

Али недовольно поморщилась, показала на леску, которая то натягивалась, то опять провисала. Хэл начал наматывать ее на руку, делая большие петли.

– Медленнее!

Он послушался. Еще несколько небольших петель, и показался средних размеров рак. Хэл протянул руку к добыче, остерегаясь грозных клешней и яростно вздрагивающего хвоста.

– Держи его! – Али перехватила рака. Клешня щелкнула рядом с ее пальцами, и девочка отправила рака в ведро.

– Здорово! – воскликнул Хэл. – Ты и впрямь хороший рыбак!

– Куда деваться. Я ж ловлю их лет с пяти. Раков да кроликов.

– Кроликов? Ты что, шутишь?

Али пожала плечами, смотала удочку и вскочила.

– Мне пора.

– Хорошо. – Хэл не стал спрашивать, с чего это она так быстро собралась, а Али не стала ничего объяснять.

Они добрались до ворот, ведущих на территорию «Придорожного дворца», и Хэл снова спросил девочку о людях, которые там когда-то жили.

– Они почти все там и умерли...

Али вздохнула и начала рассказывать.

– Это было лет двадцать назад, сразу после войны. Старик вернулся домой, в Мурабул.

– Отец?

– Ну да. Приехал из Чанги.

– Из Чанги?

– Он там был в плену. Худющий как скелет, и с головой не в порядке. Трое детей, две девочки и еще сын. Жена его ждала. Он выкупил участок у государства почти за бесценок. А земли эти – наши, только у нас нет права голоса.

– Ваши? Ты хочешь сказать – твоей семьи? – Хэл нахмурился.

– Это земли аневанов. Если по справедливости, то эта территория до сих пор наша.

– Я думал, твоя фамилия Тенпенни?

– Как бы там ни было, он поставил здесь эту штуковину. А вокруг возвел забор – как вы, белые, обычно делаете, – продолжила девочка.

– Но почему он поставил прицеп, а не дом? – Хэл начертил пальцем в воздухе дикие контуры «дворца».

– Не знаю. Может, хотел семью в походы вывозить... Потом построил эти сарайчики, ну и они стали там жить. Посадили овощи, завели коз, кур... в основном жили за счет нашей земли. Кроликов стреляли.

Али нежно пробежала рукой по траве, будто гладила чью-то больную голову. Хэлу показалось, что ее мысли где-то далеко отсюда.

– А потом?

– Потом кое-что случилось. – Она вздрогнула. – Старик разозлился на жену. Просто чокнулся.

– Что произошло?

– Жена закрутила с каким-то мужиком из города, и он их поймал.

– Закрутила, значит. – Хэл кивнул, хоть ничего и не понял. – Кто это был?

– Какой-то важный человек.

– Насколько важный?

Али не обратила внимания на его вопрос.

– Как-то ночью старик взял ружье и пристрелил жену. Девочек тоже убил, в кроватях, и пошел к сыну. Однако мальчишку не нашел, ну и всадил пулю себе в голову.

Али словно не придавала особого значения своему рассказу, но Хэл был потрясен. Он уставился на прицеп.

– Господи... ужасная история.

– Я ж тебе говорила – плохое здесь место, – ухмыльнулась Али.

Хэл продолжал смотреть на «Придорожный дворец», на разбитые стекла, сверкающие осколками в рамах, точно кривые зубы дремлющего чудовища.

– Мальчишку нашли?

– Через несколько дней. Он прятался в курятнике, среди кур.

– Что с ним дальше было?

– Кажись, забрали в детский дом, – пожала плечами Али. – Это давно было.

Что-то не сходилось. Хэл задумался.

– Откуда узнали, что их убил старик? Я хочу сказать – а если это мальчишка всех застрелил? – Он взвесил «за» и «против». – И обставил все так, что вроде как семью убил отец, а сам сбежал с деньгами?

– Да какие деньги? Ты взгляни на эту рухлядь! – Али захихикала. – Меньше надо про Шерлока Холмса читать, приятель!

– Откуда знаешь про Шерлока Холмса? – удивился Хэл.

– Думаешь, я читать не умею?

– Нет, но... Шерлок Холмс...

– Что хочу, то и читаю. – Она вызывающе сложила руки на груди. – У меня папа в библиотеке работает.

– Правда? – Хэл так удивился, что с языка невольно слетело: – А у меня папа – капитан пассажирского лайнера! – Он тут же пожалел, что не смог сдержаться, тем не менее ложь сработала.

– Ого! Куда он плавает?

Али была даже не потрясена – скорее восхищена. Пришлось врать дальше.

– Ну... в Париж, Лондон. В Африку. Сейчас как раз в рейсе, поплыл куда-то... в Новую Каледонию, кажется.

– Познакомишь, когда вернется?

– Конечно... только, знаешь, это будет не очень скоро.

– Договорились!

Она вдруг отвернулась и припустила вперед. Ведро то и дело хлопало девочку по ноге, только поэтому Хэлу и удалось ее обогнать.

Он остановился, упершись руками в колени, подождал Али. Пока переводил дух, подумал: хорошо бы она забыла о его выдумке. Он перевел взгляд на прицеп. Хэла просто мороз по коже продирает от этой штуки. А что, если там и правда поселились духи?.. И все-таки он умирал от желания залезть внутрь. Неважно, плохое это место или нет.

Глава 13

Мик уже совсем было решил последовать совету сержанта и плюнуть на дело советника Курио. Правда, на следующее утро поступил звонок от женщины. К телефону попросили констебля Гудноу. Собеседница тихо пробормотала, что не хотела бы называть свое имя, но если его интересуют пропавшие документы, то следует обратиться к советнику Стритону.

– Да? И почему же именно к Стритону? – скептически осведомился Мик, выдерживая тон, который обычно приберегал для анонимных звонков.

– Он располагает такой информацией, которая может представить эти бумаги совсем в другом свете.

– А вы-то откуда об этом знаете, мисс?..

– Поговорите с мистером Стритоном. – В трубке раздалась частые гудки.

Пока коллеги перекусывали, Мик вышел, взял машину и помчался в городской совет. Он отметил, что красного «ягуара» на стоянке нет. Эйлин Мерчисон подняла взгляд от пишущей машинки и нервно, хотя и дружелюбно, улыбнулась Мику. Он невольно отметил, что там и кроме глаз есть на что посмотреть, просто на все остальное не сразу обращаешь внимание. Сегодня Эйлин была в светло-голубом, и этот цвет шел девушке куда больше, чем оранжевая униформа, в которой она встретила его в прошлый раз.

– Я хотел бы увидеть советника Стритона.

– Вам назначено, констебль?

Он иронически поднял бровь, и Эйлин смешалась. Видимо, звонила все же не она. Разумеется, не исключено, что она прекрасная актриса.

Эйлин подняла трубку, сказала:

– Адам? К вам констебль Гудноу.

– Советник Стритон готов вас принять. – Она указала на кабинет дальше по коридору, рядом с мужским туалетом.

Мик постучался. Ему открыл высокий лысеющий мужчина с густыми усами.

– Адам Стритон. Можно просто Адам.

Мик решил, что запомнить имя труда не составит. Такого огромного адамова яблока, как у Стритона, ему видеть еще не приходилось.

– Прошу! – Стритон сел в кресло, смущенно улыбнулся. – Могу уделить вам ровно две минуты, констебль. Дел по горло, предстоит крутиться весь день.

И стол, и кабинет были маленькими и явно нуждались в ремонте. Никакого сравнения с офисом Дианы Курио. Единственное окошко открывало вид на узкий переулок.

– Одна из ваших коллег на прошлой неделе сообщила о краже со взломом, советник Стритон. Мне сказали, что вы располагаете кое-какой информацией о похищенных документах.

– Какие похищенные документы? – Стритон был явно озадачен. – У нас тут полно бумаг, целый день ходят из кабинета в кабинет.

– Не сомневаюсь. – Мик глянул в сторону абсолютно пустого вестибюля. – Эти документы имеют отношение к вопросу передачи кое-каких земель в целях развития территории.

– Откуда вам известно, что у меня есть такая информация?

– Выходит, вы об этом кое-что знаете? – Гудноу внимательно изучал собеседника.

– Это Диана вам рассказала? – Стритон нахмурился.

– Нет, не она. – Мик немедленно представил, какой скандал разгорится на заседании совета. – Если вам что-то известно, Адам, выкладывайте, и я избавлю вас от моего присутствия.

Похоже, ему не удалось убедить советника, и тот откинулся в кресле, налил стакан воды из графина.

– Уточните свой вопрос. Заявления на развитие территории поступают нередко даже в таком маленьком городке.

Мик улыбнулся, на миг прикрыв глаза.

– Вы в последнее время имели дело с советником Курио по поводу имущественных вопросов?

Стритон поперхнулся, и вода потекла по его подбородку. Он помотал головой.

– Слышали ли вы о каких-либо деликатных сделках по передаче земель, которые обсуждаются городским советом Мурабула? О сделках, которые могут представлять интерес для некоторых членов совета?

Стритон стер воду с лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.